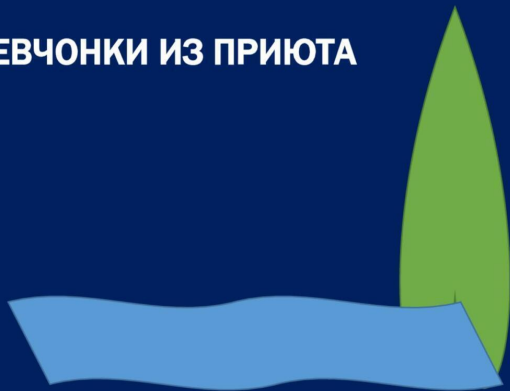

ПОЛИНА ГРУЗДЕВА

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕВЧОНКИ ИЗ ПРИЮТА**

Полина Груздева

Приключения

девчонки из приюта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70649932

SelfPub; 2024

Аннотация

Вторая часть трилогии «Чудачка» – о новых происшествиях в жизни Людки Никитиной. Вместе с ней читатель познакомится с особенностями обитания геологоразведчиков на плато Устюрт, воспитанников интерната в каракалпакских городах Тахиаташе и Ходжейли, побывает на побережье Черного моря, в лагере «Артек». Нелегко приходится главной героине в потоке событий. Осложняют ей жизнь отношения с одноклассниками, неверные представления о себе как личности. Вызывает переживания очередная влюбленность. Непреодолимые, необдуманые желания толкают на сделку с совестью. Как же экстремальная среда обитания, атмосфера жизни в приюте, фантастический подарок судьбы, время повлияют на взгляды и поступки девочки?

Полина Груздева

Приключения

девчонки из приюта

Глава 1

Не райская долина

Скорый поезд «Ташкент-Кунград» подошел к конечной станции вечером. Уставшая от долгой тряски и качки ребятня Никитиных вместе с матерью и другими пассажирами плацкартного вагона направилась к выходу.

Город встретил приезжих горячим ветром, ясным небом, сбегающим на запад сияющим солнцем и той суетой, что наступает в конце рабочего дня. Обогнув по перрону здание вокзала, Никитины вышли на небольшую привокзальную площадь.

Взглянув на открывшийся вид, Людка сразу отметила: это не райская Ферганская долина. Как-то убого выглядели глинобитные постройки с тростниковыми крышами, навесами, заборами. Безразлично и безучастно смотрели на мир кирпичные здания. В сухом воздухе устало покачивали ветками редкие, припудренные пылью деревья. Таким увидела девочка Кунград, городок у самой границы плато Устюрт, и он ей не приглянулся.

Контору нефтеразведки Никитины отыскиали быстро. Оставив детей на скамье у невысокого штaketника, Екатерина вошла в помещение. От нечего делать Людка стала рассматривать прохожих. Прежде всего, ее поразили старик в огромной меховой шапке.

«Это не узбек, – подумала девочка. – Наверное, это каракалпак, раз это Каракалпакия. Ему не жарко в этой шапке?»

Старик вел ослика, с боков которого свисали чем-то набитые мешки. Животное привычно перебирало тонкими ножками и спокойно шло за хозяином.

«Интересно, этот осел когда-нибудь кричит «иа»? – продолжила от нечего делать размышлять Людка. – Вот бы сейчас закричал! Что бы тогда делал старик? Но нет, не кричит. Цок, цок! Цок, цок! Тащит мешки и тащит. Какой выносливый осел!»

Несмотря на то, что солнечный диск стремился к горизонту, прохладнее не становилось. К тому же непрерывно дул ветер. Вот он закрутил на дороге столбик пыли, подкатил его к скамейке, на которой примостилась детвора, и бросил горсть пыльной муки прямо им в лица.

– Фу, пыль! – закричала Валька и начала тереть глаза.

– Хочу к маме, – захныкала Светка.

– Потерпи, – прижала ее к себе Людка, – мама скоро придет.

Не обратил никакого внимания на пыль только Витька. Он футболил в это время попавшийся под ногу камешек.

Вскоре показалась мать с какой-то русской женщиной.

– Это твои красавцы? – указала подбородком незнакомка на обрадованных появлением матери детей.

– Да, мои, – подтвердила Екатерина.

– Ну что ж, пошли ко мне в гости, – улыбнулась детям женщина.

– Это тетя Маша, – представила незнакомку ребятам, берясь за чемоданы, Екатерина. – Мы будем у нее ночевать.

– Пошли, пошли, не бойтесь, я детей не ем, – звонко засмеялась тетя Маша и, подхватив большую сумку с пожитками гостей, бодро зашагала вперед. За ней, стараясь не отставать, засеменяла вся семья.

Маруся жила недалеко от места работы со своим мужем-шофером в доме барачного типа, где селились семьи рабочих. Она числилась уборщицей в конторе и как раз наводила там порядок, когда в дверном проеме здания показалась Екатерина.

– Женщина, – обратилась приезжая к уборщице, наклонившейся над ведром с водой, – я жена Николая Никитина, он работает на буровой. Не подскажете, как мне его найти?

Женская фигура в сером рабочем халате и светлой косынке на голове выпрямилась, и посетительница увидела добродушное овальное лицо с карими подкрашенными глазами, с любопытством взглянувшими на нее. Ярко-красные губы разомкнулись, и послышался живой громкий голос:

– А ты к диспетчеру зайди. Он знает. – И женщина указала

на дверь диспетчерской.

У пожилого мужчины, сидящего за большим потертым столом с несколькими телефонами, Екатерина узнала, где можно найти Николая. На следующий день утром на буровую отправлялся вертолет, и она могла на нем лететь.

Выйдя от диспетчера, Екатерина снова обратилась к отжимающей тряпку женщине:

– Вы не скажете, где можно переночевать? Я не одна, детей четверо.

– Что, узнала?

– Да, узнала. Завтра можно добраться до буровой, где работает муж. А сегодня где-то нужно остановиться.

– А у меня и остановись, – предложила собеседница. – Я – Маруся. А тебя как звать-величать будет?

Екатерина назвалась. Разговорившись с Марусей, она узнала, что муж новой знакомой Григорий находится в длительном отъезде. Детей у пары нет. Вот скучающая кунградка и предложила матери с четырьмя детьми остановиться у нее, и Екатерина согласилась. Так началась дружба двух семейств. И когда Никитины в очередной раз оказывались в Кунграде, они гостевали у Маруси и Григория.

Утром Екатерина с Людкой были на вертолетной посадочной площадке – младших детей Маруся предложила оставить у нее. В огромную пузатую машину погрузили мешки, фляги, коробки, ящики. Груза было столько, что пассажи-

рам, матери и дочери Никитиным и какой-то быстроглазой веселой женщине, пришлось втискиваться в металлический салон между всевозможными упаковками.

По-разбойничьи засвистев, вертолет мощно зарокотал двигателем и поднялся в воздух. Людке никогда в жизни не приходилось летать на самолете, а тем более на воздушном аппарате с пропеллером наверху, поэтому она со страхом ощущала его жуткое содрогание и вслушивалась в грохот мотора, ожидая неминуемого падения. Но рокочущий монстр, разрезая лопастями огромной вертушки воздух, уверенно продвигался вперед. Мать с незнакомой спутницей что-то кричали друг другу на ухо. И девчонка, немного успокоившись, прилипла к иллюминатору.

Далеко внизу проплывала пустыня. Людка поняла: это плато Устюрт, где на буровой живет и работает ее отец. С высоты птичьего полета путешественница видела белые от соли озера солончаков, бурюю мозаику такыров, серые полотна песков. И ни одной реки. Сколько ни всматривалась девочка, она нигде не заметила и следов деятельности человека. Безводный, необитаемый край.

«Как здесь можно жить? – подумалось ей. – А ведь надо еще и работать».

Наконец, утомленная однообразием пейзажа и убаюканная ровным тархтением двигателя, юная пассажирка воздушного ослика пустыни (так назвала вертолет Людка) задремала.

Екатерина не спала. Новости, о которых женщина узнала от спутницы, подняли в ее душе такой ураган, что ей было не до сна. Разговор со случайной попутчицей она начала сама.

– Скажите, как вас зовут? – закричала она на ухо незнакомке, временами бросающей на нее заинтересованный взгляд.

– Раиса Мамедова! – с готовностью прокричала в ответ та.

– А я Екатерина, жена Николая Никитина! Знаете такого?

– Знаю. Я комендант поселка, поэтому всех очень хорошо знаю. Вот не думала, что у Николая такая симпатичная жена. А это кто? – кивнула в сторону Людки словоохотливая пассажирка. – Твоя сестренка?

– Это моя дочь, старшая. А всего у нас с Николаем детей четверо – три дочери и сын.

– Да-а-а, – протянула Раиса, с еще большим вниманием взглянув на Екатерину. – И как ты своего муженька одного так далеко от себя отпустила?

– А что, ненадежный? – Екатерина почувствовала недоброе.

– Да спутался он тут с одной, с Веркой Степановой. Своего мужика у нее нет, вот и ловит чужих.

– А кто она такая?

– Верка? Подсобница из столовой. Ничего в ней особенного нет, баба как баба, но, наверное, давать хорошо умеет – мужики к ней как мухи на мед.

– А Николай?

– А что Николай? Зачастил он к ней через месяц после приезда. А теперь днюет и ночует в ее землянке. Весь поселок об этом треплет языками.

«И ты тоже», – неприязненно подумала Екатерина и больше ни о чем расспрашивать не стала: все и так было ясно. Так вот почему не получала она от мужа ни вестей, ни денег: на любовницу тратил время и заработанное, на свои удовольствия. А ты, жена, на что хочешь живи с четырьмя детьми. Что-то мутное и горькое заворошилось у женщины внутри. Что ей делать теперь, она не знала.

Уже около трех часов мерил вертолет пространство над безбрежным океаном пустыни. Казалось, он летит в никуда. Но вот впереди по курсу показался островок промышленной цивилизации: буровая вышка и тростниковые крыши поселка разведчиков земных богатств. Знакомый шум с небес привлек внимание буровиков, и Людка увидела, как к вертолету – крошечные, не больше муравьев – стали сбегаться люди, и, обгоняя их, катил к подлетавшей винтокрылой машине грузовик.

Пузатый рокотун благополучно сел на землю, окружив себя облаком пыли. Одна за другой женщины покинули его утробу.

– С прибытием, – улыбнулась Никитиным попутчица. – Идите в столовую, вон туда. Там обо всем узнаете.

– Рая, привет! Чего ты нам вкусенького привезла? А почта есть? Водочки не забыла? – оживленно встретили комен-

данта мужчины.

– Будет вам и белка, будет и свисток, – отшутилась Раиса.

Екатерина, расправив помятое платье, пошла в указанном Раисой направлении. Людка слегка приотстала и в этот момент услышала негромкий разговор. Тихий голос поинтересовался:

– Рая, а это кто?

– Никитина жена с дочерью.

– Николая?

– А то кого ж? У нас что, еще Никитин есть?

– Ой! Что теперь будет?

– Поживем, увидим.

Людка догнала мать и пошла с ней рядом. Услышанный разговор ей ни о чем не говорил, и она стала смотреть по сторонам. Низкие, полузасыпанные землей жилища, покрытые тростниковыми матами. Над ними кирпичные, с закопченными верхушками печные трубы. Электрические столбы и провода. Чуть в стороне от землянок металлическая вышка – сама буровая. И до самого горизонта пустошь. Такая картина вызывала уныние, и девочке показалось странным поведение людей: они оживленно перекидывались словами, посмеивались, шутили и в это же время разгружали вертолет.

Идти пришлось недалеко: все рядом. Мать и дочь Никитины вошли в столовую.

– Здравствуйте! – поздоровались они с двумя женщинами, кухонными работницами.

– Здравствуйте, коль не шутите! – несколько игриво ответила та, что поварешкой помешивала что-то в большой алюминиевой кастрюле.

– Не подскажите, как найти нам Никитина? – взглянула Екатерина на женщину с поварешкой.

– Да на работе он. Подождите здесь. Скоро с мужиками на обед придет. А может, вас покормить чем-нибудь?

– Я не хочу, – отказалась Екатерина и обратилась к дочери: – Люда, есть хочешь?

Людка стеснительно кивнула головой. Ей предложили стакан сметаны и кусок хлеба. Екатерина присела рядом с ней, немного помолчала, а потом с вызовом спросила: «И кто из вас будет Степанова Вера?»

Повариха у кастрюли, дородная краснощекая женщина, перевела взгляд на подсобницу, которая, сидя на маленькой скамеечке, чистила картошку. Это была Вера. Она не сдвинулась с места, не произнесла ни звука. Она уже догадалась, кто такая приезжая, но не подала вида, что слышала вопрос, и только ниже склонилась над ведром с очистками.

Взглянув на соперницу, Екатерина захлебнулась от ревности и злости. Она готова была в ту же секунду вскочить с места и вцепиться в патлы бесстыжей шлюхи, похожей на сущеную воблу. Но с Веркой они были не одни. За ними пристально наблюдала повариха, и молча, не поднимая глаз от стола, жевала хлеб дочь.

– Посмотри, доченька, вот сидит полюбовница нашего от-

ца, – наконец презрительно выдавила из себя Екатерина. – Мы ждали от него писем и денег, а он тут развлекался с этой проституткой.

Людка взглянула на Веру. Она ожидала, что после таких оскорбительных слов та что-то скажет в свое оправдание, но женщина даже не подняла головы и не произнесла ни звука.

– Ну и как мой муж в постели? – продолжала колоть Екатерина, забыв о присутствии дочери. – Правда, хорош?

Вся фигура Степановой говорила о том, что она не станет защищаться и готова терпеть любые ругательства со стороны законной супруги Николая.

– Может, мне его тебе оставить? Заодно четверых спингрызов подкинуть? Авось, справишься, баба, как я понимаю, выносливая. Не только на постель хватит, – давала выход поднявшейся в душе буре негодования Екатерина.

По всему выходило, что Людка должна была встать на сторону матери, пожалеть ее и себя и возмутиться: ведь у них бессовестно отняли то, что принадлежит только им. Но перед ней сидела не наглая, самодовольная воровка, присвоившая чужое, а пристыженная и униженная нищенка, попавшаяся с поличным. И девочке стало нестерпимо жалко Веру. Может, у этой женщины, покорно переносившей оскорбления матери, такая же любовь к ее отцу, как у нее к Женьке Воронину? Мать была далеко, и Вера воспользовалась случаем, заняла ее место. Любовь – тот же голод: не утолишь – можешь и умереть.

Атмосфера продолжала накаляться, и, вероятно, Екатерина дала бы волю рукам, но у двери слышались мужские голоса.

– Бабоньки, кормить будете? – ввалился в столовую рослый здоровяк в спецовке.

– Юра! Зачем тебе кушать? Ты и так богатырского телосложения. Лучше маленького в штанах покорми, может, вырастет, – зареготал вошедший следом за товарищем худощавый парень.

– Каримов, ты придурок? На свой посмотри. Хочешь кулака попробовать? – рассердился Юрий.

– Придержи язык, Мустафа! – одернула балагура повариха у плиты. – Здесь ребенок.

– О, у нас гости? – переключил внимание парень на мать с дочерью. – И кто же такие?

– Я – жена Николая Никитина, а это его дочь, – еще вся на взводе, не очень дружелюбно ответила Екатерина.

– Здравствуйте! – с показным уважением, но доброжелательно поздоровался с ней буровик. – А хозяин ваш сейчас будет.

Екатерина не стала ждать, когда появится Николай. Она шепнула дочери, чтобы та посидела в столовой, и вышла на улицу. К пищеблоку подходили рабочие, и среди них она увидела мужа. Николай не изменился. Он шел как обычно, слегка поводя из стороны в сторону плечами. Спецовка не скрывала его знакомую поджарую фигуру, из-под кепки вы-

глядывали те же, что и прежде, кудрявые русые волосы.

При виде мужа Екатерина почувствовала, как вместо горечи и обиды сердце наполняется желанием броситься ему навстречу, крепко обхватить руками его шею и прижаться к его груди. Но виду не подала. Плотно сомкнула губы, готовые расплыться в счастливой, всепрощающей улыбке и, чувствуя, как колотится сердце, стала ждать, когда он подойдет.

– Здравствуй, Катя! – поздоровался с женой Николай. – Ты чего телеграмму не дала? Я бы встретил.

– А может, я напрасно сюда прилетела? – криво усмехнулась та.

– Ну что ты такое говоришь? – Николай пристально взглянул жене в глаза.

– А что мне говорить? Наслышалась о твоих похождениях. Полюбовницу твою видела. Променял, значит, меня на эту, подсобницу с кухни.

– Отговариваться не буду, что было, то было, – на секунду отвел взгляд в сторону Николай. – Прямо тебе скажу: нам, мужикам, без бабы туго. А тут, в пустыне, тем более. Какие тут развлечения? стакан водки да баба свободная. И то, и другое кружит голову, да еще как.

– Важная причина для измены, – протянула Екатерина. – Как же теперь быть?

– Тебя и детей менять ни на кого не собирался и не собираюсь. Так и знай! А ты решай за себя сама. Твое право.

– А разве я что-то могу? Куда я с четырьмя?

– Прости, Катя! Ты приехала. Все будет нормально, обещаю тебе, – просительно взглянув на жену, убежденно сказал Николай.

– А как же Верка?

– Попрошу перевести ее на другую буровую или сами переедем.

Екатерина вздохнула. Она ужасно соскучилась по мужу: по его напористому голосу, мускулистым рукам, по его крепким губам, и уже давно простила его. Она ведь тоже не без греха. Только он об этом не знает.

– А дети где? – спросил Николай.

– Людка со мной, а меньших оставила в Кунграде, у одной женщины.

– Сделаем вот что: сейчас пообедаем, потом я отпрошусь у мастера с работы, и полетим в Кунград. Начальству надо доложить о вашем приезде да решить, как и где устроиться. Пошли!

В дверях столовой показалась Людка.

– Папка! – радостно вскрикнула она и повисла на шее отца.

– Дочка! Как ты выросла! – обрадовался Николай. – Мать скоро догонишь. Ну, как долетела?

– Боялась, что вертолет упадет.

– Эх ты, трусиха! – погладил дочь по спине отец. – Есть хочешь?

– Я ела. А мама нет.

– Тогда ты здесь погуляй, а я мать накормлю. Скоро вертолет обратно полетит. Мы на нем отправимся в Кунград.

Екатерине ужасно не хотелось снова увидеть Верку. Но решила все-таки войти в столовую, чтобы показать разлучнице и другим жителям поселка, что она была и остается законной женой Николая и по-другому быть не может.

Отец с матерью исчезли в дверях пищеблока, а Людка пошла по улице. Она рассматривала землянки, и они ей казались невиданными чудовищами. По какой-то случайности эти звери пустыни выползли рядом из земли до половины туловища, да так и остались лежать под открытым небом, щетинясь тростниковыми чубами. Иногда они разевали рты-двери, чтобы впустить или выпустить людей из своей хищной утробы, а затем снова надолго замирали без каких-либо признаков жизни.

Сколько дочь Никитиных ни вертела головой, ни одного дерева, ни одного животного не увидела. Без воды невозможно, да и незачем здесь вращать корнями в землю сильным растениям и разводиться домашней живности: кто знает, надолго ли обосновались люди.

Горячий ветер так сушил кожу, что девочке вдруг захотелось окунуть руки в воду, плеснуть прохладной влагой себе в лицо.

«Вот бы перенести сюда тот арык, что протекал возле нашего дома в Риштане! – мечтательно подумала Людка. – Какая там вода! Холодная и чистая, все камушки на дне арыка

видны. Она даже целебная!»

И тут Людка вспомнила, как однажды летом в Риштане мать отправила ее за готовой едой в столовую. Взяв бидончик, девчонка поспешила выполнить поручение. Идти было весело. Помахивая посудиной, она глазела по сторонам, тихонько мурлыкала песню. И вдруг бидон вылетел из рук и упал ей прямо на ноготь большого пальца правой ноги. И все бы ничего, только ночью Людка проснулась от нестерпимой боли: невыносимо болел ушибленный палец.

Родители, сестры и брат спали крепким сном. Людка не стала никого будить. Она тихонько выскользнула из дома. Ночь встретила ее прохладой и ярким светом сверкающих звезд.

По знакомой дорожке девочка дошла до арыка – он призывно журчал в темноте, – села на краю водоема и опустила больную ногу в бегущую по узкому руслу воду. Та оказалась холодной и мгновенно притупила боль. Вытащила ногу из водяного плена – боль вернулась, опустила ногу в ручей – стало легче. Так и сидела некоторое время в сонной ночи, то опуская ногу в приятную водную глубь, то поднимая ее на воздух; затем вернулась в дом, легла на кровать и уснула: палец больше не беспокоил. Никто о том, как арык вылечил Людкин палец, не узнал.

Но в безводной земле Устюрта не было никакого намека на водоем. Твердая голая земля, над ней ослепительно горящее солнце на пустом выгоревшем небе – вот и вся радость.

Рассматривать больше было нечего, и Людка повернула обратно. Изменился и ход ее мыслей.

«Неужели папа с мамой разойдутся? Как же мы будем жить? – тревожно думала она. – Мы уже целый год жили без папы. Ничего хорошего». Несмотря на жару, девочка почувствовала холод и одиночество.

Из столовой, громко переговариваясь между собой, стали выходить люди. Показались и отец с матерью.

– Ну что, дочь, нагулялась? Нравится тебе здесь? – поинтересовался отец, подходя к Людке.

– Нет, не нравится, – грустно призналась та.

– Ничего, привыкнешь! – убежденно произнес Николай. – Пойдемте, я вам наше общежитие покажу.

– А дети в этом поселке есть? – спросила девочка.

– А как же, есть! Даже младенцы. Так что не переживай. Будет с кем играть, пока в школу не пойдете.

Внутри землянки пахло сыростью. Обыкновенные железные кровати, покрытые байковыми одеялами, сбитый из строганных досок стол, кое-какая посуда на нем – вот и все убранство рабочего общежития. В помещении никого не было. Николай объяснил, что все жильцы на смене, предложил членам семьи отдохнуть и пошел отпрашиваться с работы у начальства. Людка посидела несколько минут молча, не решаясь заговорить о том, что ее беспокоило, но не выдержала и спросила:

– Мама, а папа от нас уйдет?

– С чего ты взяла? – вопросительно взглянула мать на дочь.

– А как же та женщина?

– Была женщина и сплыла, – вздохнула Екатерина. – Будем жить, как и раньше, все вместе: папа, я и вы. Сейчас полетим в Кунград, заберем малышей и назад. А осенью поедете с Валькой в интернат, там будете жить и учиться.

– А вы?

– А мы здесь будем жить или на другой буровой.

– Ой, как хорошо! – счастливо зажмурила глаза Людка. – Мамочка! Как хорошо, что мы будем снова все вместе! Ну, прямо не знаю как! – И бросилась обнимать и целовать удивленно глядевшую на нее мать.

Глава 2

Совсем другая жизнь

Веру Степанову перевели на другую буровую, а Никитины остались на участке, где до приезда Екатерины с детьми обосновался Николай. Многодетному семейству Раиса выделила двухкомнатную землянку, снабдила новых жильцов скромным набором предметов для сна и приготовления еды.

Новенькие обжились, приспособились к местному климату, образу жизни и порядкам, познакомились с людьми. Пока отец находился на работе, а мать занималась домашними делами, детвора пропадала на улице: прячась от знойного солнца в прохладной тени земляного жилища, коротала

летние дни за играми, болтовней и книжками.

Жизнь в безлюдной пустыне на островке деятельности нефтеразведки особенная. Иные, чем на материке, здесь темп, ритм и характер занятий. Иные связи между людьми. Простота отношений сродни простоте быта. Здесь не встречаются по одежке, не лезут за словом в карман. Здесь работают – так работают, отдыхают – так отдыхают.

По приезду на новое, не очень, прямо скажем, гостеприимное место обитания Людка скучала недолго: она всегда могла себя чем-нибудь занять. Ей понравилось уходить дальше от поселка, вглядываться в кусты чертополоха (может, увидит где-нибудь что-нибудь живое) и смотреть издали на открывающиеся перед ней картины.

Поселок для нее представлял собой малопривлекательное зрелище. Другое дело буровая вышка. Эта сваренная из металлических деталей башня являлась здесь главной достопримечательностью и заправкой рабочих будней сильных людей. Днем она только шумела, а ночью от подножия до самой макушки целый год еще и светилась, словно новогодняя елка, яркими огнями.

Как-то отец разрешил ей посмотреть на вышку поближе. Девчонка задрала голову кверху: по металлическому сооружению до самой макушки бежали лестницы. Среди каркасных труб просматривались два балкона, на одном из которых Людка заметила человека в белой каске.

И вдруг она почувствовала себя маленькой и беспомощ-

ной перед этой уходящей в небо непонятной громадиной. Но сюда на смену приходил ее отец, рядом с ним трудились другие люди, его товарищи. Они хорошо знали свое дело, если стальная пирамида, налегая на мощные опоры, стояла и работала круглые сутки, замолкая лишь ненадолго. И Людке очень хотелось узнать, для чего нужно было тащить в пустыню этакую махину и что на ней делают люди.

Летними вечерами, когда сумерки сглаживали очертания предметов, люди выходили из душных помещений на свежий воздух. В один из таких вечеров дочь спросила об этом отца. Николай, сидя на деревянной лавке за уличным дощатым столом, покуривая папиросу, улыбнулся и заговорил:

– Представь себе, что глубоко под землей лежит озеро драгоценной жидкости. Вот прямо под нами. Но его надо найти, это озеро, нефтяное озеро. Или большое количество газа. Тоже очень необходимое вещество. Чтобы добраться до этих полезных ископаемых, нужна буровая установка. Вот такая, как у нас.

Я вот дизелист, ухаживаю за дизельным двигателем. Без него, как ты понимаешь, дела не будет – это он такой громогласный.

Людка не сводит внимательного взгляда с отца. Он дымит папиросой, добродушно усмехается, поглядывает на дочь. Девочке такой отец нравится: он очень нужный человек на буровой. Не будет работать его дизель, остановится жизнь вышки. Николай продолжает:

– На буровой есть еще бурильщики. Они отправляют вглубь земли мощное сверло, которое и делает основную работу: оно сверлит в земле глубокое отверстие, скважину, и, может быть, из нее брызнет нефтяной или газовый фонтан, то есть будет открыто новое месторождение. Для каждого нефтеразведчика это мечта. Поняла?

– Больно шумно там у вас, – посочувствовала Людка.

– Да, чтобы тебя кто-то услышал, приходится хорошенько поорать, – усмехнулся Николай.

– А когда буровая останавливается?

– Ну, если что-то сломалось. Есть и другая причина.

– А тебе не страшно там работать? А если вышка упадет? – забеспокоилась Людка.

– Не упадет! – засмеялся Николай. – У нее ноги крепкие. Вот ты же не падаешь? Потому что у тебя тоже ноги крепкие. Нет, не упадет! Не бойся!

Конечно, это для своей любознательной дочери отец сочинил рассказ о поиске углеводородов в таком несколько романтическом стиле. Не станет же он делиться с одиннадцатилетней дочерью изнанкой тяжелых условий работы на буровой, рассказывать об авариях, жаловаться на однообразие жизни и скуку, дурно влияющих на жителей поселка: от монотонного существования в экстремальных условиях накапливалась усталость, от надоевшего общепитовского меню пропадал аппетит. Люди, плюнув на приличные заработки, увольнялись с работы, уезжали на материк. Текучка в неф-

теразведке была значительной.

Но задержавшийся на буровой рабочий люд все-таки находил выход из скверного положения. Сговорятся мужики, возьмутся за ружья, сядут на машину – и айда охотиться на сайгаков или джейранов. Азарт азартом, но бьют зверя поумному: немного, для пищеблока. Или в рыбный город Муйнак нацелятся за копчеными дарами Арала. Заодно и пивка прихватят. Вернутся – устроят сабантуй на весь поселок.

Людке спонтанный рыбный праздник особенно нравился. Вернувшись из Муйнака, взрослые вешали на деревянный столбик огромного, распластанного на двое копченого толстолоба. Прозрачная жирная мякоть так пахнет дымком и еще чем-то, что слюнки текут. Взрослые смакуют пиво, рыбными перышками заедают. Наслаждается запашной рыбкой и ребятня. Вдоволь наигравшись, дети подбегают к толстолобу. Каждый стягивает с брюха рыбины полоску янтарного жира, кладет в рот, причмокивает – вкуснятина!

Насытившись, народ начинает танцы. Найдется какой-никакой свой гармонист, растянет ухвалисто меха выдавшей виды гармошки – и пошли выделывать коленца кто во что горазд. Все, кого взбудрили хмель, еда и разухабистая мелодия, подпевают, вскрикивают на все степное пространство, открытое ветрам, дождям, солнцу и бесшабашной людской радости.

Очень нравилось девчонке, когда за гармонь брался отец. Сядет на корточки, подопрет спиной тростниковую стену

землянки и наябрюкает. Голова откинута назад, аж кадык выпирает. На красиво очерченных губах хмельная усмешка. Осоловелыми голубыми глазами на танцующих почти не глядит – так увлечен своей игрой.

Прямо перед ним, широко раскинув в стороны руки, выплясывает мать. Совсем неважно, что она в широкой, с короткими рукавами простенькой кофточке и шароварах и что на ногах у нее тапки. Она кажется Людке краше всех.

Загораясь весельем взрослых, пускается топтать ногами и прихлопывать руками поселковая ребятня. Даже маленький Тахир, завернутый в одеяло, будто что-то понимая, затихает на руках у тети Зайтуны и только, посасывая соску, водит глазенками с одного плясуна на другого.

Поздним вечером заканчивается веселье. Рабочие и их семьи расходятся по своим земляным хоромам, чтобы на следующий день вернуться

к привычному труду, без которого не будет шуметь буровая на плато Устюрт и открыто новое месторождение газа под названием «Шахпахты».

Глава 3

Плачь, не плачь, а надо привыкать

В конце августа учениц Никитиных вместе с матерью доставили вертолетом из пустыни на материк, а затем на скором «Кунград-Андижан» они прибыли в Ходжейли. Отсюда

на пазике, близнеце того, что увозил их из Риштана, отправились в Тахиаташ, где девчонок ждала неизвестная жизнь в пока незнакомой им школе-интернате.

Приходила ли в голову Людке и Вальке мысль, что им предстоит долго жить вдали от родителей, от Витьки и Светки? Становилось ли им от разлуки с родными грустно и одиноко? Ни капельки! В пути им было интересно и весело: они отправлялись путешествовать в далекие загадочные края.

Взволнованные сестры пытливыми глазами увлеченно водили по сторонам. И Ходжейли с его голубым, азиатской постройки вокзалом, на который за несколько часов они прикатили на поезде; и Тахиаташ на берегу устремленной вдаль Амударьи, куда добрались они из Ходжейли на автобусе и где им предстояло расти и взрослеть в обществе сверстников, – оба города для них в этот момент действительно явились экзотическими и привлекательными – много ли на своем веку повидали эти дети?

Язык, точно, не только до Киева доведет. Найти интернат Никитиным помогли местные жители. Широкий проход между зданиями, добросовестно выполняющий роль интернатских ворот, вывел их на широкий двор, ограниченный стандартными кирпичными постройками. В отдалении Екатерина и девчонки увидели двухэтажное здание. Рядом с ним скромно соседствовали одноэтажные строения. Посреди геометрически правильного школьного участка пустела спортивная площадка.

Оказавшись на территории учебного заведения, мать и дочери медленным шагом, с оглядками, двинулись вглубь по направлению к главному, на их взгляд, корпусу. В это время его массивная дверь открылась и показался невысокого роста стройный мужчина корейской наружности. Увидев посторонних людей, он приветливо заулыбался.

– Здравствуйте! – поднявшись по ступенькам к центральному входу, поздоровалась с незнакомцем Екатерина. – Мы точно пришли в школу-интернат?

Девчонки прошли следом за матерью и остановились в ожидании дальнейших действий.

– Вы не ошиблись.

– Не подскажете, как нам найти директора?

– Кабинет директора находится на втором этаже. Проходите, не стесняйтесь! – И мужчина открыл перед посетителями входную дверь.

Войдя в здание, Людка, идя следом за матерью, Валькой и незнакомым человеком, принялась: пахло краской. Запах напомнил ей, как они год назад приходили записываться в риштанскую школу, как мать беседовала в кабинете с директором, а они с Валькой бродили по длинному коридору, любопытно рассматривали класс, обновляемый для будущих занятий. Тогда тянуло свежим покрасочным материалом остро, до щекотки в носу. Здесь запах был не таким резким – в носу не щекотало. При воспоминании о Риштане девочке стало немного грустно.

Директор оказался на месте.

– Тамир Эргашевич! К вам посетители! – доложил ему проводник гостей.

– Спасибо, Александр Владимирович! – глядя на женщину с детьми, произнес мужчина, затем перевел взгляд на сотрудника: – Что там с постельным бельем для вашей группы?

– Разбираемся с кастеляншей.

– Хорошо! Как закончите, зайдите ко мне.

Александр Владимирович вышел. После его ухода Тамир Эргашевич снова обратил внимание на женщин.

– Здравствуйте! Присаживайтесь!

Все поздоровались и уселись на стульях.

– Слушаю вас!

– Меня зовут Никитина Екатерина Афанасьевна, – слегка волнуясь, заговорила мать. – Я привезла дочерей, чтобы устроить в ваш интернат. Мы с мужем и детьми живем на буровой, на которой, как вы понимаете, школы нет. А девочкам нужно учиться. Нам подсказали, что ваш интернат может принять таких детей.

– Что ж, у нас действительно учатся такие дети. Но наша школа-интернат – специализированное заведение. Это коррекционный приют, где, в основном, живут, лечатся и получают восьмилетнее образование дети с искривлением позвоночника. У ваших детей есть подобные отклонения?

– Нет, – потускнела Екатерина. – У нас другое. Нам просто школа нужна.

Увидев, что женщина расстроилась, директор смягчился.

– Ну, хорошо! – улыбнулся он. – Дайте мне, пожалуйста, документы девочек. Посмотрим, что это за ученицы.

Мать поспешно подала личные дела девчонок и замерла в ожидании приговора. Дочери оглядывали помещение и его владельца.

Тимур Эргашевич, полный мужчина с приятной внешностью, производил впечатление доброго человека. Кабинет с портретом Никиты Сергеевича Хрущева на центральной стене, шкафами, забытыми папками и книгами, длинным кабинетным столом должен был невольно смотреться по-канцелярски деловым, бескомпромиссным и сухим, но улыбчивый, лукаво прищуренный взгляд его владельца смягчал чрезмерную деловитость интерьера и внушал гостям спокойствие и уверенность. Вот и сейчас при взгляде на девчонок глаза директора излучали те доброжелательность и тепло, которые свойственны людям, работающим с детьми по призванию. Людка с Валькой чувствовали это и сидели без напряжения и опаски.

Руководитель школы, улыбчиво поглядывая на сестер черными глазами, внимательно рассмотрел поданные ему документы.

«Хорошие девочки! – думал он, рассматривая табеля сестер. – Старшая – отличница. Да и у младшей оценки неплохие. Хотя в группах детей достаточно, надо принять: порадует отчетность».

– Екатерина Афанасьевна! Примем мы ваших дочерей, – наконец произнес он и, подав лист бумаги, ручку и образец, сказал: – Напишите заявление. Будем оформлять. – Сам в это время решил поговорить с будущими ученицами.

Людка и Валька застенчиво слушали Тамира Эргашевича, скидывали на него кроткие взгляды, соглашаясь или отрицая, кратко отвечали на его вопросы, переглядывались между собой, тихонько хихикали. В это время вернулся Александр Владимирович.

– Ну что? Все в порядке? – обратился к нему директор.

– Все как полагается.

– Тогда берите новеньких и устраивайте их в группы. Людмила Никитина идет в шестой класс, значит, к вам. Валентину отведите к Наталье Петровне.

В день приезда Никитиных Александр Владимирович Пак выполнял обязанности дежурного воспитателя. Он привел новеньких с родительницей в длинное одноэтажное здание, сдал Вальку на попечение ее воспитательнице, затем провел Екатерину со старшей дочерью в спальню шестиклассниц, где показал Людке ее место. Екатерина помогла дочерям разложить вещи, немного посидела у каждой в комнате.

За суетой время прошло быстро, матери нужно было возвращаться домой. Она обняла дочерей, вышедших проводить ее до выхода со двора.

– Девочки, будьте аккуратными, – на прощание говорила Екатерина. – Ты, Людка, не забывай про сестру. Помогай ей.

– Хорошо, мам, не беспокойся. Мы же рядом с Валькой будем, – обещала та.

– А ты, Валька, сестру слушайся, не вредничай. Живите дружно, – наставляла мать младшую дочь.

– Обещаю слушаться Людку. А ты скоро приедешь? – беспокоилась Валька.

– Не знаю, как получится, – не стала обнадеживать детей Екатерина. – Путь неблизкий. А вы учитесь хорошо. Теперь вся надежда на вас самих, поэтому будьте умненькими, не ленитесь, не позорьте нас с отцом.

Мать расцеловала обеих дочерей и ушла. И тут Валька пустила слезу. Людка обняла сестренку, прижала ее к себе и долго не отпускала. Ей тоже хотелось плакать, но не было рядом более взрослого, чем она сама, человека, в грудь которому могла бы тоже уткнуться носом, ища понимания и сочувствия. Людка сама была для Вальки опорой, тем взрослым, который должен был понимать переживания плачущей сестры и утешать ее.

– Ну что ты? – уговаривала проникновенным голосом Людка сестру по пути в общежитие. – Не плачь. Мы с тобой здесь вместе учиться будем. Ведь мама не может тут остаться, ей нужно быть дома. Там папа, Витька и Светка. Она им нужна. А мы с ними не можем быть. Где на буровой школа? Нет ее. Поэтому мы здесь. А они к нам приезжать будут. Или мы домой тоже ездить будем. Представляешь: они к нам, а мы к ним, они к нам, а мы к ним?

– Я никого не знаю, я боюсь, – продолжала хныкать Валька.

– И я никого не знаю, – вздыхала Людка. – Ничего, узнаем. Подружимся. У нас появятся новые друзья.

– А если дети будут нас обижать, будут драться?

– Не бойся. Не будем сами дразнить, ничего плохого с нами не случится. Давай не думать об этом. Пошли лучше есть «Мишку на севере». Мама нам много конфет купила.

Что поделаешь? Начиналась другая, непривычная для девчонок жизнь, и к ней, плачь не плачь, нужно было привыкать. Теперь они не могли после уроков возвращаться к себе домой. Все их время с момента заселения подчинялось утвержденному порядку, а забота о быте, здоровье, досуге находилась в руках чужих людей. Приезжать туда, где жили их родные, на буровую «Шахпахты», они могли только на каникулах.

Взявшись за руки, сестры направились в Людкин корпус. На душе у них немного посветлело...

Заезд только начинался, и сестры Никитины оказались одними из первых, прибывших в интернат. Сначала они не расставались, но затем приехали их одноклассники, у каждой появились личные заботы, и сестры стали видеться реже. Но мысль о том, что где-то очень близко ходит, говорит и учится родной человек, жила подсознательно в каждой из них, помогала приспособливаться к местности, людям, требованиям, обязанностям. Стоило только захотеть, и они могли уви-

дется, обняться, взяться за руки, поболтать. И не надо было для этого ехать за тридевять земель.

Глава 4

Новенькая

С началом занятий двор интерната наполнился обычными для школ суетой и детским криком: возвратились с летнего отдыха ученики.

Людка была новенькой, поэтому сначала она только наблюдала, как входили в спальню ее сверстницы, весело приветствовали друг друга, мельком поглядывали на новоприбывшую, отстраненно сидящую на своей кровати. Они одна за другой находили свои места, прятали в тумбочки мелкие предметы, раскладывали вещи и неумолчно болтали. Первой на Людку направила свой пристальный взгляд косоватых глаз энергичная девочка примерно одного с ней телосложения.

– Новенькая! Ты кто?

– Люда, – спокойно назвалась та.

– А фамилия у тебя какая? – продолжала интересоваться девчонка.

– Никитина, – отозвалась Людка и задала встречный вопрос: – А как тебя зовут?

– Родионова Тамара, – ухмыльнулась девчонка. – Будем дружить?

– Согласна, – приняла предложение Людка и обратилась ко всем сразу: – Девочки, расскажите, пожалуйста, как вы здесь живете. Я же ничего не знаю. Только приехала. Нас с моей сестрой Валею мама сюда привезла из Кунграда.

– А это где? – поинтересовалась полненькая светловолосая девочка.

– На поезде туда нужно ехать. Но дом наш не там. Мы на Устюрте, на буровой живем. Это очень далеко отсюда, на вертолете лететь надо.

– У тебя что, сколиоз? – подняла голову от открытого чемоданчика, в котором укладывала вещи, худенькая девочка.

– Нет у меня никакого сколиоза. Просто на буровой нет школы.

– А что там есть? – полюбопытствовала эта же собеседница.

– Ничего там нет – пустыня. Там только буровая вышка и землянки.

– А мы в основном местные, тахиаташские, – сообщила Тамара. – У многих ребят сколиоза тоже нет. Просто, например, Ира Пак и ее брат Саша, двойняшки Светка и Людка Пьянковы, Володька Цыганков – дети из многодетных семей. У меня, у Карпенко Аньки и у Петьки Гордополова – матери одиночки.

Тамара называла одноклассниц, а те давали о себе знать: Ира помахала приветственно рукой, девчонки Пьянковы, обнявшись, свалились, хохоча, на кровать, Аня сделала реве-

ранс.

– Из других городов тоже есть ребята, – включилась в разговор большеглазая брюнетка. – Меня Кларой зовут. Я не тахиаташская. Рашид Рахимов, Илья Ибрагимов, Курбанкулов Данияр тоже приезжие. Но нам это и проблемы со спиной здесь жить как-то не мешают.

– Ну, и как вам тут? – спросила Людка.

– Да все нормально! – засмеялась Тамара. – Дома, конечно, было бы лучше, но что поделаешь. Так что живем! Спрашивай, если что нужно.

Учебный год, как везде и всегда, начался с праздника первого звонка. Все воспитанники интерната выстроились подвижным квадратом перед главным входом в учебное здание. Мальчишки в белых рубашках и темных брюках. Девчонки в коричневых платьях и белых фартуках. У пионеров на груди живым пламенем горят алые галстуки. Ребячьи лица веселые, оживленные.

Особенный гомон неумолкающих детских голосов, хаотичное движение никем не управляемых юных организмов свидетельствуют об их праздничном возбуждении. В говорливой колышущейся толпе волнуется и Людка. Она в новенькой, будто только из магазина, школьной форме. Ей очень нравится, как она одета.

Тамир Эргашевич, директор, произносит первые приветственные слова, и линейка затихает. После него говорит за-

вуч, Карим Бекмурадович. Он зачитывает приказ о зачислении в школу новых учащихся. Людка слышит свою фамилию и смотрит на Вальку.

Сестренка одета точно так же, как и Людка, в школьную форму, выданную им здесь, в интернате. Накануне вечером старшая сестра помогла ей выгладить платье, фартук и галстук. Теперь Людка с удовольствием смотрит на Вальку: галстук аккуратно повязан, его концы празднично лежат на груди – в пионеры сестру приняли весной, еще в Риштане. Та тоже издалека смотрит на Людку и довольно улыбается. И эта невидимая окружающим родственная связь делает их, участниц важного школьного мероприятия, счастливыми.

Первый призыв колокольчика в новом учебном году – и пульсирующий поток ребячьих тел устремляется в классные комнаты. Людка умащивается на отведенном ей месте, рядом плюхается худощавый мальчишка с непокорными светлыми вихрами, Петька Гордополов. Не глядя на Людку, как бы невзначай, он толкает руку соседки локтем. С недоумением посмотрев на задиру, девочка, нахмурившись, отворачивается, старательно укладывает в стопочку книги и тетради. Она осознает: с соседом по парте ей явно не повезло и большие неприятности от него еще впереди.

Может быть, Петька еще как-нибудь выразил бы свое мальчишеское недовольство соседством новенькой, но в класс вошла красивая черноволосая женщина. Все ученики встали. «Здравствуйте, ребята! – поздоровалась учитель-

ница. – Садитесь, пожалуйста!» Это Тамара Ахмедовна, их классный руководитель и учительница по математике. Она жена офицера. Всегда очень модно покрашена и одета. Она девочке очень нравится. Только жаль, что Тамара Ахмедовна посадила ее с Петькой. Ей бы хотелось сидеть с Рахимовым Рашидом, но симпатичного Людке мальчика посадили с Кларой Камаловой, а ей подсунули этого несносного хулигана, вертлявого Петьку. О том, что Петька обижает девочек, одноклассницы сразу предупредили новенькую, а теперь она сама в этом убедилась. «Ну ничего, это мы еще посмотрим, кто кого», – решила Людка и стала слушать учительницу.

Глава 5

Мальчишки

Водоворот школьных будней поглотил Людку, и она незаметно для себя нашла в нем свою пристань.

Во-первых, утихомирила Гордополова: хорошенько стукнула его однажды по спине, дав понять, что терпеть его придирки не будет.

Во-вторых, тесно сдружилась с Камаловой Кларой. Эта скромная улыбчивая девочка, готовая делиться конфетами, одеждой, симпатичными мелочами, была на редкость милым человеком. Людку притягивал ее спокойный нрав, ее умение говорить обо всем увлеченно и интересно, играть на пианино. Даже улыбка Клары, во время которой показывался вы-

бывающийся из общего ряда крупных зубов правый клык, Людке нравилась. Этот зуб не портил образ подруги, он только выделял ее из общей массы детей, делал какой-то особенной, запоминающейся.

Незаметно подошел конец четверти. Интернат опустел. Основная масса детей отправилась по домам, уехала и Клара, но Людка с Валькой остались в приюте. Родители заранее предупредили, что не приедут и дочерей не заберут: каникул всего пять дней, дорога дальняя, только доберутся до буровой, нужно будет уже возвращаться назад.

Старшая дочь Никитиных понимает, что мать и отец правы, но домой все равно до слез хочется. И пусть «Шахпахты» – это не многолюдный город с множеством домов, магазинов, бегущих по дорогам машин, кинотеатром, но затерянная в пустыне вышка геологоразведчиков и при ней невзрачный рабочий поселок ей уже дороги и необходимы.

Отвоевывая у жизнерадостного лета день за днем, в городе утвердилась плаксивая осень. В комнате, кроме Людки, никого нет. Девочка смотрит в окно: за ним летит дождь. Капли прилипают к стеклу, прозрачным бисером покрывают весь проем. Некоторые из дождинок срываются и с остановками, будто преодолевая скрытую от Людкиных глаз преграду, струйками сбегают вниз. Девочка долго стоит неподвижно у окна, смотрит на движущиеся капли, на качающиеся за окном ветки акации, на хмурое, неласковое небо. Вид наве-

вает хандру и печальные мысли: из дома давно не было писем. Как родные там поживают?

Печально понаблюдав за осенней мокротой, одиноко поскучав, Людка идет в комнату Вальки. Там сестра и ее подруга играют в куклы, и старшая Никитина, не желая мешать увлекательной игре, направляется в спальню мальчишек. Так получилось, что и здесь, как когда-то в Риштане, в компании ребят она стала своей – правда, не для Петьки Гордополова. В разговоры пацанов никогда не лезла, сидела тихо и слушала.

Мальчишки – это совершенно иной народ, чем девчонки. У них свои желания, интересы, дела. И Людка, словно губка, пропитывалась атмосферой их разговоров, насыщалась какими-то техническими и научными сведениями, заряжалась пацанячьим стремлением быть сильными, выносливыми, мужественными. Так уж выходило, что при Людке мальчишки не демонстрировали нецензурщиной взрослость, а соблюдали некую мужскую пристойность и деликатность. Поэтому ей с ними было спокойно и нескучно.

Дверь в спальню мальчишек была полуоткрыта. Непогода не позволяла им, как и Людке, бегать на улице. Они о чем-то спорили.

– Нет, пацаны, «Орленок» лучше, серьезный велик, – услышала Людка крепкий голос Степанова Кости. – Видел такой у Касымова Тамира. Пацан в нашем подъезде живет.

Войдя в комнату, Людка поприветствовала друзей и села

на свободную койку. Мальчишки бросили на девчонку беглый взгляд, ответили, и разговор потек в прежнем русле.

– Гонять на нем что надо! – продолжал восхищенно Костя, выражая свое отношение к транспортной новинке сиянием больших серых глаз. – Дал Тамир катнуться один раз.

– И чо? Чем лучше? Мой «Школьник» хоть и облезлый, но не подведет: надежный, я на нем по всем дорогам ношусь, – парировал в ответ Курбанкулов Данияр, по орлиному глядя на друзей и сжимая в руках какой-то журнал.

– Надежный, не спору, но диаметр колеса у «Орленка» больше, рама прямая. Взрослый велик, – убеждал Костя, демонстрируя руками форму колеса и рамы велосипеда.

– У моего «Школьника» руль высокий, седло мягкое, вертится, поставишь, как надо. И багажник задний есть, – не сдавался Данияр, глядя горящим взглядом на сидящих в отдалении Завьялова Махмуда и Крапивина Олега, будто пытаясь и их убедить в прекрасных качествах своего двухколесного товарища.

– Ладно, Данияр, на «Орленке» багажник тоже есть, – дружески бросил поднявшийся со своего места Махмуд и, подойдя к товарищу, легонько ткнув кулаком в его костлявое плечо, приземлился рядом.

– И правда, пацаны, – примиряюще засмеялся пухлыми розовыми губами Олег, – ну чего вы завелись? Было бы на чем рулить. Вот у меня тоже, как и у Кости, вообще велика нет. Ничего! Дружбаны выручают.

Мальчишки продолжали спорить, а Людке в это время подумалось о Лене. Этот парень не учился в интернате. Он был из городских, на год старше своих друзей, приходил в приют на выходных и на каникулах, приносил с собой гитару.

Людке нравилось смотреть на движения длинных Ленкиных пальцев, перебирающих натянутые струны, на спадающий при наклоне головы на его широкий лоб прямой чуб; нравилось слушать не очень умелое брэнчание на стареньком инструменте и незамысловатые дворовые песни. Умение Лени играть на гитаре, звуки его простенькой музыки, чистый голос создавали во время посиделок компании особую среду дружеского поклонения и единения. И девочка тоже ощущала себя важной частичкой этой группы любителей спонтанных Ленкиных концертов.

Но Лени сегодня не было, и Людка поднялась со своего места: «Что, мальчишки, пошли на полдник?» – бросила она на ходу и покинула комнату. Следом за ней, весело подталкивая друг друга к выходу, неустанно о чем-то говоря, двинулась к столовой и ватага пацанов, как будто несколько минут назад и не было перепалки в защиту характеристик любимых моделей велосипедов и еще бог знает чего.

С мальчишками у Людки все понятно. Другое дело девчонки. Вроде не сторонилась она их, сохраняла со всеми, как ей казалось, доверительные, приятельские отношения. И не подозревала она, что не все в общении со сверстницами у нее гладко, пока однажды не произошел из ряда вон выхо-

дящий случай.

Глава 6

«Темная»

У Никитиной подошла очередь дежурить в столовой. После ужина друг за другом все ее одноклассники покинули обеденный зал, а она, тщательно вытирая влажной тряпкой клеенку на столах, задержалась. Выполнив все полагающиеся в таких случаях действия, натянула вязаную шапочку, теплое пальто и вышла на открытый воздух.

На дворе было полутемно, сеяла надоедливая изморось. Девочка подняла голову и посмотрела вверх: ноябрьское небо непроглядным полотном нависло над землей. Прохладный дождь оросил разомлевшую в тепле кожу лица. Девочка на секунду сморщила нос и весело, обгоняя выскочивших следом за ней старшеклассников, побежала к общежитию.

На стенах жилых корпусов заманчиво горели прямоугольники света. Взглянув на них, Людка подумала: «Как там сейчас хорошо!» Ей захотелось поскорее окунуться в тепло девчачьей комнаты, вынуть из тумбочки «Собаку Баскервилей» и до отбоя погрузиться в детективную историю Шерлока Холмса. Предвкушение любимого занятия подстегнуло ее, и вскоре она оказалась в общежитии.

Войдя в коридор здания, Людка заметила, как из него в комнату девчат метнулась шуплая фигура Карпенко Аньки.

«Никитина идет!» – услышала она Анькин предупреждающий голос, и дверь в спальню за одноклассницей громко хлопнулась.

На ходу стянув с головы шапочку, Людка привычным движением расстегнула пуговицы, сняла пальто. Держа вещи в левой руке, правой нажала на дверь и вслед за подругой вошла в спальное помещение. В комнате не было света. Он горел только в коридоре, за Людкиной спиной.

Не успела вошедшая что-то разглядеть, как кто-то сильно толкнул ее вперед и закрыл за ней дверь. Людка оказалась в душной полутьме. «Девчонки, давай!» – прозвучал рядом призыв, и ничего не соображающая девочка вдруг мешком свалилась на пол под толстым слоем наброшенных на нее пальто.

Удары посыпались со всех сторон. Малолетние нападницы шумно пыхтели, молча, в меру своих сил колотили совершенно огорошенную, не произносящую ни единого звука Людку, вымещая на ней свое, непонятное жертве насилия недовольство и раздражение.

Трудно сказать, сколько времени продолжалось избиение. В какой-то момент, как по заказу, включился свет: видно, насильницы, довольные результатом, или, подрастеряв силенки, решили остановиться. Они, шумно дыша, растащили свою одежду, повесили ее на место и, как ни в чем не бывало, расселись на кроватях. Все также молча, продолжая возбужденно втягивать подвижными ноздрями воздух, стали испы-

тующе смотреть на медленно, будто нехотя поднимающуюся с пола Людку.

Неожиданно дверь отворилась, и в проеме обозначилась прямая фигура Клары. На левой ее руке висели тщательно выглаженные разноцветные платица. Закрыв за собой дверь, Клара остановилась в полном недоумении. Веки зеленовато-карих глаз невольно широко раздвинулись, лицо побледнело. То, что она увидела, донельзя поразило ее. Да и было отчего прийти в замешательство.

Посреди комнаты оцепенело стояла ее лучшая подруга. На Клару в упор смотрели увеличенные миндалины ее глаз. Клубничного цвета лицо обрамляли растрепанные темные волосы. Кофточка съехала набок. Людка тяжело, как после забега, шумно дышала. На полу рядом с ней сиротливо валялись розовая шапочка и коричневое пальто.

Недоброе безмолвие висело в воздухе. Только необычно оживленное сопение взъерошенных активными действиями участниц безобразной сцены раздавалось в густом тепле.

«Девочки, что случилось?» – оглядев сверстниц удивленным взглядом, наконец выдавила из себя Клара. Эти слова, словно кнутом, стегнули по сердцу Людки, оцепенение улетучилось. Она рванула с места. Стремительно промчавшись мимо подруги, распахнула дверь спальни и, громко простучав ботинками по деревянному полу коридора, изо всей силы ударилась о входную дверь жилья и без верхней одежды, оставшейся неприкаянно лежать на полу, выскочила на ули-

цу.

Дождь заметно усилился. Вокруг было пустынно. Сдерживая неожиданно нахлынувшие рыдания, Людка побежала к стоявшему неподалеку детскому грибку. Плюхнувшись на холодную скамью под деревянной крышей убежища, плотно прижавшись головой к гладкому знакомому столбу, девочка зарыдала. Нет, голоса ее не было слышно, только тихие всхлипы раздавались в безлюдном пространстве да судорожно вздрагивало худенькое тело.

Людка плакала не потому, что ей было больно. Во время экзекуции она совершенно не ощущала физического страдания: тумачи сквозь толщу ватной одежды не были слишком сильными. Навзрыд плакала ее оскорбленная нежная душа и горько изливалась, от сильной обиды, в струйках горячих слез. Ручейки слезной влаги текли по щекам, раздражали тонкую детскую кожу, а девочка размазывала их по лицу и продолжала сидеть и плакать, не замечая влажного холода.

«Что, что я им сделала? – билась в ее возбужденной голове мысль. – За что они так со мной?»

– Людка, ты где? – вдруг услышала она тревожный зов Клары, выбежавшей из здания. – Возьми пальто, простудишься.

Клара выбежала на игровую площадку и в тени грибка различила темный силуэт Людкиной фигуры.

– Глупая, заболеть хочешь? Давай надевай пальто! – подбежав к подруге, заботливо заговорила она, сама в это время

натягивая пальтишко на безразличную к холоду Людку.

– Клара, почему они на меня набросились? – хлюпая носом, выдавила из себя пострадавшая. – Жили, дружили, и вот на тебе. Набросились подло, все на одну. Скажи, что я сделала не так? Кого из девочек обидела?

– Да говорила я с ними, – прижимая к себе за плечи подругу, как взрослая, заговорила Клара. – С мальчиками дружишь? Девчонкам это не нравится. Они думают, что ты мальчишкам про нас сплетничаешь, рассказываешь им наши секреты.

– Никогда такого не было, – немного успокоившись, возмущенно отвечала сквозь слезы Людка. – Зачем им наши секреты? Им совершенно не интересны разговоры об артистах, о платьях, юбках, шапочках. И о девочках они не говорят.

– А о чем они говорят?

– О машинах, велосипедах, рогатках.

– О рогатках?

– Ну да, какую рогатку и из чего лучше сделать.

– И эти разговоры тебе нравятся?

– А что делать, если в интернате на выходных никого из девчонок нет? И мне интересно. Особенно когда Леня приходит. Он приносит гитару, поет. Все ему подпевают или слушают.

– Это такой парень с густым чубом? А ты знаешь, что в него Томка Родионова влюблена? Она думает, что ты с ним

дружишь.

– Это почему она так думает? – от услышанного слезы перестали бежать из глаз Людки.

– Люда! Как-то девчонки стали решать, какая девочка у нас самая красивая. Тебя поставили на второе место. Ты очень симпатичная. И еще: ты часто бываешь в компании Лени. Вот Томка и заревновала.

– Нужен мне Леня! Ни с кем из пацанов отдельно я не дружу, – вздохнула Людка. Признаваться подруге, что ей очень нравится Рашид, она не стала.

– Пойдем уже, холодно! – потянула Людку за руку Клара. И когда они, выбравшись из-под спасительного навеса, уже шли по направлению к спальному корпусу, осторожно спросила:

– Люда! А ты Александру Владимировичу расскажешь про «темную»?

– Зачем? Я не сексотка, хотя так обо мне думают, – совершенно придя в себя, уже сердито сказала Людка. – Я думаю, это Тамарка и подбила всех на расправу со мной, но жаловаться на нее не стану.

– Добрая ты, Людочка, – взяла Клара под руку подругу. – Вот за это я тебя и люблю!

Рассказывать воспитателю о том, что с ней произошло, Людка действительно не стала. Проглотив обиду как горькую пилюлю, девочка постепенно успокоилась и позже простила одноклассниц, тем более что они попросили у нее прощения.

Очевидно, на них повлияло заступничество Клары, которая передала им суть разговора с подругой, состоявшегося под грибочком в ненастный осенний вечер.

Не в характере старшей дочери Никитиных долго помнить зло. Мир со всеми его загадками, неожиданностями, красотою для нее был настолько интересным, а вера в доброту и порядочность людей настолько сильной и прочной, что в возвышенном сердце этой отходчивой натуры не оставалось места для долгой печали и вражды.

Если покопаться в различных источниках, можно обнаружить много грязных историй из жизни детей в приютах. Чувство гадливости, яростное возмущение и протест вызывают случаи жестокого избиения, мерзкого изнасилования детдомовских воспитанников, в которых участвуют не только дети – особенно старшие по отношению к слабым и младшим, – но и сотрудники приютов.

Людкина драма с «темной», конечно же, с позиции взрослых, история гадкая. Но девочка посчитала ее просто жалкой мстью одноклассниц за предполагаемое предательство. Ведь и сама она думала, что если человек предатель, то и наказывать его – это честно и справедливо.

Глава 7

Все правильно

История с «темной» вскоре была забыта и больше ничем

о себе не напоминала. Душевное состояние Людки пришло в прежнее безмятежное состояние. Учебные дни сменялись выходными, и Людка с Кларой, как, впрочем, и все воспитанники приюта, в свободные дни занимались тем, что вызывало у них удовольствие и радость, если только всем интернатом не шли в кино.

В очередное воскресенье декабря, подруги, весело хохоча, вбежали в просторное, гулкое помещение актового зала. Он был пуст. По выходным девчонки здесь бывали часто. Тянуло их сюда безлюдье и старенькое пианино, на котором Клара, бывшая ученица музыкальной школы, учила подругу играть «Собачий вальс».

Промчавшись мимо первого ряда множества деревянных кресел, накрепко сцепленных между собой и прибитых к полу, подруги кинулись к инструменту. Крышка заигранного пианино, прижатого к сцене, под напором рук озорниц откинулась назад и оголила ряд потертых клавиш.

– Я первая! – закричала Людка, шутя отталкивая Клару в сторону от инструмента и беспорядочно пробегая пальцами по клавиатуре.

– Нет, я первая! – обняв Людку со спины, тянулась к клавишам подружка.

Наконец девчонки занялись музицированием. Когда бить по клавишам надоело, «пианистки», утихомирившись, уселись в первом ряду кресел отдышаться и поболтать.

– Людка, а кого из интернатских учителей ты любишь? –

спросила Клара.

Та растерялась, помолчала – вопрос был неожиданным.

– Не знаю, я всех уважаю. Ну, за что я могу кого-то из них ненавидеть? Они ко мне придираются? Нет. Нарушаю дисциплину? Нет. Плохо учусь? Нет. Так за что я на них должна дуться, за что осуждать?

– Ну, например, Тамару Ахмедовну. Дерется. Гордополова свечой зажигания била по голове.

Ворошить в памяти инцидент с машинным элементом Людке не очень хотелось. Но не вступить за учительницу она тоже не могла.

– Это же на самостоятельной было. Петька прицепился ко мне, чтобы я дала написать ему задачу. А я не хотела: постоянно пытается меня достать.

– И что?

Людка вздохнула: событие было из крайне неприятных.

На уроке математики учительница действительно «успокоила» Петьку свечой зажигания, изъятой ею у мальчишек во время занятия. На перемене все бросились к однокласснику, чтобы тот показал место на голове, к которому «приложили» свечу.

– Петька! Покажи, где тебя училка стукнула, – потребовали пацаны.

– Тебе, наверно, больно? – посочувствовали девчонки.

Мальчишка, оказавшийся в центре внимания, без всякого стеснения, даже с выражением горделивого удовольствия,

продемонстрировал лоб, на котором вообще не проглядывалось ни царапины, ни красноты.

– Неа! – беспечно отозвался он на сопереживание одноклассниц. – Совсем не больно.

Людка тоже поизучала лоб «пострадавшего», хмыкнула. ей ни капельки не было Петьку жалко. Она считала, что вредный пацан тогда получил по заслугам. Ведь с самого начала занятия мальчишка, от которого соседка закрывала тетрадку, делал вид, что ничего не происходит. Сам же в это время под партой ребром ботинка зверски лупил Людку по ноге.

Она стоически терпела боль и назло обидчику, не глядя на него, улыбалась. Очевидно, эта улыбка, будто приклеенная к губам неподдающейся девчонки, крайне раздражала Петьку. Он с большей силой взмахивал ногой, надеясь на то, что Людка все-таки не выдержит, заревет. Но девочка, не обнаруживая страданий, продолжала отчаянно улыбаться и решать примеры. Тамара Ахмедовна заподозрила неладное.

– Гордополов, что с тобой? Вертишься, крутишься. По-краснел как рак, – спокойно поинтересовалась она, листая классный журнал.

Петька затих только на несколько минут и, сжимая от злости губы, продолжил истязать Людкину ногу. Телодвижения мальчишки опять привлекли внимание учительницы.

– Гор-до-по-лов! Ты забыл? У тебя самостоятельная работа. Займись де-лом, – убеждающе протянула она и продолжила изучать учительский документ.

Но не тут-то было. Вошедший во вкус Петька минут пять что-то пописал в тетради, а затем возобновил пытку. Тамара Ахмедовна поднялась со своего места, медленно подошла к нерадивому ученику и «приложила» свечу к бестолковой голове Гордополова.

– Сколько можно тебе говорить, чтобы ты успокоился? – в такт своим словам прижимая свечой зажигания густые вихры мальчишки, возмущенно говорила учительница. – Никитина, что между вами происходит? – обратилась затем она к Людке.

– Ничего, – выдохнула та, виновато глядя на женщину.

Петька затих. А затем на перемене, в кругу любопытных одноклассников, весело демонстрировал место приложения свечи.

– За что она тебя так? Что ты там такое вытворял? – пытались докопаться до истины мальчишки и девчонки.

– А! Так! – отмахнулся Петька. Не мог же он признаться в своих садистских методах выпрашивания у Никитиной под-сказки.

А Людка в это время победно улыбалась: она, девочка, не обнаружила жгучей боли от ударов Гордополова по ноге, не сдалась, не доставила удовольствия жестокому однокласснику. А молчание Петьки объяснила трусостью.

Людка подвигалась в кресле.

– Ты видела голову Гордополова? – спросила она.

– Ну, видела, – ответила Клара.

– Там же никаких следов не осталось, – подергала мочку уха Людка.

Правильно Тамара Ахмедовна сделала. За то, что я не давала Петьке списывать, он пребольно колотил меня по ноге. Я не плакала, и он бил все сильнее и сильнее.

– Я не знала, – посочувствовала подруга, а потом вдруг спросила: – А Омар Есенович? Он тоже правильно сделал: запустил мелом в пацанов?

На уроках физики Омара Есеновича всегда муху было слышно. Но и он однажды сорвался. Не выдержав нескончаемого хихиканья и верчения болтунов на галерке, что есть силы запустил мел в противоположную от доски стенку класса. Звук удара о кирпич мела, разлетевшегося мелкой крошкой за спинами разгильдяев, мгновенно привлек внимание всех учеников и навел на уроке порядок.

– Я тогда испугалась, – пожаловалась Людка. Резкий звук, будто кинжалом рассекший тишину класса, заставил ее вздрогнуть.

– Пацаны за хулиганство свое получили: дежурили в классе целую неделю, – сказала Клара.

– Да, знаю. Но они совсем обнаглели. А Омара Есеновича мне жалко. А еще Валерию Игнатьевну.

– Это почему же?

– Ты ее уроки любишь?

– Да, люблю, – призналась Клара.

– Вот и я люблю.

Людка действительно обожала уроки интеллигентной, утонченной учительницы: все красивое, возвышенное обязательно находило отклик в ее душе. Тихий, проникновенный голос женщины, читающей прозу или поэзию, уводил ее далеко-далеко, и она забывала о том, где находится и что должна делать.

– Помнишь, мы изучали Тараса Бульбу? – продолжила Людка. – Пацаны ее так довели, что она стала сама на себя не похожа. Представляешь, она мальчишек ругает, а всегда бледное лицо ее вдруг зарумянилось, на нем резко выделились брови и проявились следы их выщипывания. Мне стало жалко ее до слез.

– Нет... – задумчиво протянула Клара, а затем добавила твердо и убежденно: – Не хочу быть учителем! – И позвала подругу: – Ну что, пойдём? Обед скоро.

И девчонки выбрались на залитый лучами зимнего солнца школьный двор.

Глава 8

Артистка

В середине декабря к дочерям наведались родители. Приют не дом родной, поэтому приезд отца с матерью для детей – настоящий праздник. Взволнованные сестры, сияя живыми глазами и счастливыми улыбками, не закрывали рты: столько накопилось разного рода событий, о которых нужно

немедленно рассказать родным.

– На каникулах в интернате почти никого нет, – сообщила Валька, поедая материн пирожок. – Мы с Людкой сначала сидим у меня, потом идем к ней, потом – в столовую.

– А почему в столовую? – удивленно приподняла брови Екатерина. – Вы что, голодаете? Идете выпрашивать еду?

– Нет, не голодаем. Просто повара, тетя Надя и тетя Лида, угощают нас вкусными пончиками.

Перед глазами Людки возникли поварские изделия, и она, откусывая кусочек от пирожка, засмеялась.

– Они похожи на крестьянские лапти.

– Нам нравится смотреть, как их пекут, – продолжает Валька. – Тетя Надя отрывает кусочки теста от большого куска, разминает их в лепешку и опускает в казан. А казан огромный, в нем масло кипит, как вода! Там пончики и жарятся: набухают и становятся золотистыми.

Пока Валька в очередной раз впивается зубами в родительский вкусный гостинец, инициативу рассказа перехватывает старшая.

– Вылавливает готовые «лапти» шумовкой тетя Лида. Она кладет их на поднос, а потом угощает нас. Мы не отказываемся.

– Конечно! Пончики такие сладенькие, хрустящие, горячие – слюнки текут! – жмурится от испытанного удовольствия младшая.

Людка смотрит на отца с матерью. Как рада она их видеть!

С добрыми, но чужими людьми хорошо – с родными гораздо лучше! Она берет из бумажного кулька еще один пирожок и говорит:

– Мама! Твои пирожки тоже очень вкусные.

– Еще какие вкусные! – подхватывает одобрение сестрой материной выпечки Валька, энергично двигая челюстями.

– А мы поварам иногда помогаем, – вдруг сказала Люд-ка. – Когда делать нечего. Чистим овощи, накрываем на столы, подмываем посуду.

– Какие вы у нас молодцы! – похвалила дочерей мать. – Правильно делаете: за работой время бежит быстрее. И работающих людей любят, стараются наградить. Вот вас пончиками и угощают. Не забывайте только говорить заботливым поварам спасибо.

– Мы и говорим! – почти в унисон вскрикнули сестры.

Девчонки уже доедали угощение, когда Валька сказала:

– А Людка у нас настоящая артистка: на новогоднем празднике она будет Снежной королевой!

– Что, правда? – взглянула на дочь Екатерина, убирая кульки в сумку.

– Да, назначили. Пионервожатая Анечка сказала, что мы будем шить костюм у нее дома.

– А почему у нее дома, а не в интернате? – забеспокоилась мать.

– У Анечки удобнее, потому что у нее есть бинты, марля, вата. Сошьем платье, накрахмалим, потом украсим. Не один

час будем трудиться над костюмом. Так Аня сказала.

– Ты смотри там, веди себя скромно, у чужих людей все-таки, – подал голос Николай, до этого не сказавший ни слова, только с улыбкой глядевший на разговор жены и дочерей.

Родителям нужно было уходить, и девчонки пошли их провожать. Недолгим было свидание, но оно успокоило детей, дало им терпение и силы дождаться следующей встречи. А до нее родных будут связывать только письма, которые Людка с Валькой с нетерпением ждут.

Рутинные дни учебы ко всеобщему удовольствию учеников интерната перемежались с праздничными. Школа встретила новый, тысяча девятьсот шестьдесят второй год, веселыми утренниками, на которых детвора в самодельных маскарадных одеяниях водила хороводы, пела новогодние песни и демонстрировала свои таланты.

В письме на «Шахпахты» Людка писала, что костюм Снежной королевы получился очень красивым. Она ночевала у Анечки целых две ночи. Пока они с пионервожатой колдовали над шитьем, мама Анечки, тетя Даша, кормила их борщом, пельменями и поила чаем с душистым яблочным вареньем. Людкино удовольствие от этого посещения выразилось в каждой строчке послания. Уют дома, пусть и чужого, дружеское общение с милой девушкой, вкусная еда – что еще нужно ребенку, много дней живущему вдаль от семьи, чтобы приятным отголоском сохраниться в его сердеч-

ной памяти?

Дальше девочка сообщала, что началась подготовка ко Дню Советской армии.

Этот праздничный день календаря принес не меньше суматохи, хлопот и переживаний, чем подготовка к новогоднему утреннику, не только для Никитиной, но и для всех шестиклассниц Тамары Ахмедовны: они должны выступить в тахиаташском Доме офицеров. Девчонки рьяно взялись разучивать танец «Цыплятки». «Цып, цып, мои цыплятки...» распевала Людка вместе с подругами в свободную минуту.

И вот «цыплятки» в нежных желтых пачках, как настоящие танцовщицы, страшно волнуясь за кулисами перед выходом на сцену, оглядывают себя и друг друга.

– Девочки, тише! – взволнованная не меньше учениц, пытается уговорить «артисток» Тамара Ахмедовна, кому-то из девчонок поправляя при этом прическу. – Мы мешаем. Нас могут услышать в зале.

Людка подходит к Кларе.

– Я так волнуюсь! Вдруг что-то сделаю не так.

– Главное – слушать музыку, – успокаивает Клара, хотя от переживаний без конца поправляет на голове чепчик. – Повернись, я на тебя посмотрю.

Повертевшись вокруг своей оси, Людка затем тоже внимательно изучает костюм подружки, находит какие-то изъяны, поправляет. И здесь слышит, как объявляют их номер.

С первыми звуками «Джуджальярим» душевная и телесная

дрожь у Людки вмиг куда-то исчезает, и девочка самозабвенно исполняет все па, отработанные на частых репетициях в школьном актовом зале. Рядом движутся подружки, все имитируют движения детенышей курицы.

Желтые пачки заполнили всю площадку, солнечно горят на сценическом пространстве. Зрители сердечно усмеваются: уже наряды танцовщиц вызывают у них улыбки удовольствия. Что говорить о танце? Это так уморительно, весело, мило!

Только закончился номер – зал взрывается аплодисментами. Людка, стоя рядом с подружками, видит сияющие лица женщин, военных, детей, вскинутые в жарком порыве хлопающие ладони и улыбается счастливой детской улыбкой – восхитительный момент славы! Одноклассницы в таком же возбуждении. Все «цыплятки» заученно кланяются и под энергичные, благодарные рукоплескания упархивают в костюмерную...

Скучно живется человеку, если дни и ночи у него – тишь, да гладь, да божья благодать. Но грустить Людке некогда. Давно заметила пластичную, сообразительную и старательную девочку Тамара Ахмедовна и по случаю празднования Международного женского дня разучивает с ней индийский танец. Девочке очень нравится танцевать. Теперь она без конца напевает мелодию из индийского фильма «Бродяга».

Каждый танцор знает: сольный танец – это не групповой. В сольнике исполнитель на сцене, как ясно солнышко на небе.

Зрители ловят взглядом каждое его движение. И оценивают строго – попробуй ошибиться! Но Людке не страшно: она уже знает, что такое сцена и как нужно на ней себя держать. Вот если бы только не дрейфить! А так все нормально.

Наконец наступает ответственный день. Актный зал школы набит до отказа разноголосой, разновозрастной детворой. До концерта остаются считанные минуты. В бурлящем помещении Людки нет: она в гримерке. Рядом с ней суетятся другие выступающие: натягивают костюмы, расправляют банты, пояса, причесываются, вертятся перед зеркалом и неумолчно галдят. Людка тоже смотрит в зеркало и не узнает себя. Она ли это? Перед ней индианка в голубом блестящем платье, сшитом Светланой Алексеевной. Оно при движении переливается, будто речная волна. Целая гроздь сверкающих «драгоценностей», пожертвованных учителями школы «для благородной цели», украшают лоб, запястья и грудь.

– Ну что, нравишься себе? – довольно усмехается Тамара Ахмедовна. – Настоящая индийская принцесса!

– Красиво! Только бы не сбиться в танце, – переживает Людка.

А причина для тревоги есть: на нее через несколько мгновений будет смотреть вся школа. Ловить ее танцевальные движения будут одноклассники, учителя. На нее будет смотреть Рашид, волноваться Валька. Поэтому нужно не ударить в грязь лицом, выступить как можно лучше.

– Людочка, наш танец следующий, – сообщает Тамара Ахмедовна, и танцовщица с хореографом выдвигаются за кулисы. – Все у тебя получится как надо, – убежденно говорит женщина, и в нужный момент Людка выходит на сцену.

Зрение мгновенно выхватывает море ребячьих голов, горящие любопытством глаза. Но уже властно за собой девочку ведет мелодия прекрасной Индии, и Людка забывает обо всех. Главное – сделать все правильно и, как говорит Тамара Ахмедовна, грациозно.

На последних нотах музыки Людка замирает. Под шквал оваций медленно кланяется публике, разворачивается и со всех ног уносится со сцены в спасительную тень кулис, затем выскакивает в гримерку. Сердце бешено стучит, глаза горят, дыхание быстрое и шумное.

– Молодец, Людочка! – ловит ее в свои объятия постановщица танца. – Успокойся! Все уже позади. Ты танцевала просто здорово!

– Спасибо! – говорит Людка, принимаясь снимать украшения. – Я старалась не сбиться.

Обо всех своих артистических треволнениях с огромным воодушевлением Людка рассказала родным, когда на весенних каникулах ей и Вальке разрешили приехать домой. «Надо же, артистка! – мысленно восхитилась Екатерина, вглядываясь в сияющее лицо дочери. – И откуда у нее этот талант?»

Валькин больной зуб

Учебный год подошел к концу, и сестры Никитины вернулись домой. Летние каникулы они провели на буровой. Как всегда, детвора не скучала. Отец, окончивший в далеком детстве пять классов, решил освоить программу шестого, а роль наставницы отвел Людке. Она охотно согласилась. Но желания учиться у родителя хватило ненадолго, и девочка была предоставлена самой себе, чему была очень рада.

Незаметно пришло время отправиться в интернат. Екатерина и Николай не сомневались, что подростки доберутся до школы самостоятельно, тем более, что приют из Тахиаташа перевели в Ходжейли: прикатишь на поезде на станцию, а там недалеко до интерната пройти пешком, поэтому Людка с Валькой добирались до школы сами, без всякого сопровождения.

Осень и зима миновали незаметно. Учеба, праздники, каникулы – все по расписанию. То девочки ездили домой, то родители навещали их. Поездки, встречи, шумная школьная жизнь не давали скучать, но и ничем особенным не удивляли до самых майских праздников.

Азиатская весна, как всегда, солнечная и щедрая, будто встряхнула мальчишек и девчонок: они радостно носились по территории школы, задирали друг друга, голосисто выясняли отношения, здесь же мирились и затевали такие игры, что чуть не сбивали с ног своих подобревших от весеннего

оживления наставников. Людка с Валькой дурели не меньше одноклассников.

Еще энергичнее и веселее школьный улей заставил гудеть приближающийся День международной солидарности трудящихся 1 Мая. Вся школа включилась в подготовку к Первомайской демонстрации. Не отставали от других и подопечные Тамары Ахмедовны и Александра Владимировича.

Семиклассники на шествии по улицам города решили представить «яблоневый сад». На уроках труда Светлана Алексеевна научила девочек делать из кусочков белой бумаги искусственные цветы. И теперь после занятий весь класс изготавливал «яблоневые ветки». Получались цветы, конечно же, лучше всего у девочек. Зато мальчишки находили хорошие веточки. А еще они помогали резать проволоку, цеплять к веткам готовые бумажные изделия. Все работали без принуждения и лени.

Людка трудилась в паре с Кларой. Она старательно рисовала лепестки, тычинки, а подруга их вырезала: у кого что лучше получалось, тот то и делал. Рядом с ними вертелся Махмудов Рустам: этот добродушный лентяй смешил одноклассниц, был у них на посылках.

Уже много белых лепестков, желтых тычинок, готовых к сборке в соцветия, лежало на парте, как в дверях класса показалась Валька.

– Никитина, к тебе сестра пришла! – прокричала сквозь шум множества голосов Пьянкова Светка – она трудилась за

партой недалеко от двери.

– Иди сюда! – перекрикивая голосистых друзей, позвала Людка сестру. – Что случилось?

Лавируя между партами, Валька подошла ближе.

– У меня зуб болит, – плаксиво произнесла она. – Мы с девочками в прыгалки прыгали, и он заболел.

– Покажи! – деловито потребовала Людка, отложив в сторону карандаш.

Валька оттянула нижнюю губу и показала больной зуб. Сколько новоиспеченный доктор ни смотрела на указанный жевательный орган, ничего необычного на нем не заметила.

– Прополощи водой, – деловито посоветовала она. – Думаю, пройдет. Наверно, зубы плохо чистила.

Но боль не прошла. Людка взяла сестру за руку и повела в медпункт. Там их встретила полная женщина средних лет с маленькими добрыми глазками на пухлом розовощеком лице. «Доктор Айболит!» – так подумалось Людке еще при самом первом посещении медицинского пункта. И вот теперь сестры Никитины пришли к нему за помощью.

Воспитанники интерната неоднократно оказывались в небольшой светлой комнатке, пропахшей лекарствами, где их всегда встречали улыбочивый взгляд Розы Львовны и один и тот же ее вопрос: «Что за беда стряслась с моей красавицей (если приходила девочка), с моим героем (если это был мальчик)?» И женщина в белом халате, больше похожая на снеговика, чем на медицинского работника, кряхтя, с види-

мым усилием выбиралась из-за стола и начинала обследование, а затем оказание помощи пострадавшему.

– Что стряслось с моими красавицами? – привычно встретила Роза Львовна вошедших в ее кабинет сестер Никитиных.

– Вот, у Вальки зуб болит. Полоскали зуб, полоскали, не проходит, – огорченно сообщила Людка.

– И чего это он заболел? У такой красавицы зубы болеть не должны! – беря шпатель, категорично произнесла «Доктор Айболит». – Ну-ка, открой рот. Какой из этих зубчиков болит?

Валька открыла рот, показала причину своего несчастья. Роза Львовна поводила шпателем во рту, немного подумала и сказала: «Ничего страшного. Сейчас я дам тебе таблетку, ты выпьешь, и все пройдет».

В праздничной кутерьме Людка про Вальку забыла. А та при болях бегала к Розе Львовне, получала от нее спасительное средство и к сестре уже не обращалась. Да и боль в скором времени прошла, только немного припухла щека. До поры до времени школьная медсестра не подозревала, что у Вальки медленно развивался флюс. Образовавшийся гнойник, глубоко сидя в десне, невидимо набухал до тех пор, пока с внешней стороны щеки не показался свищ.

Однажды в яркий майский день, когда Людка собиралась бежать в школу готовиться к урокам, в спальню вошла Наталья Петровна, воспитательница Вальки, в сопровождении

Александра Владимировича. Копошившаяся в своей тумбочке девочка их не заметила, но услышала тихий голос своего наставника. Тот, не увидев в комнате нужную воспитанницу, обратился к мгновенно притихшим с появлением взрослых ученицам: «Девочки, где Никитина?» Тут Людка поднялась в межкроватьном проеме во весь рост и вопросительно уставилась на вошедших. Одноклассницы, хихикнув, одна за другой исчезли за дверью.

– Никитина, – обратился к ней воспитатель и не очень уверенно продолжил: – Тут такое дело... Ну, Наталья Петровна тебе все расскажет.

– Люда, – заговорила руководительница Вальки. – Ты только не волнуйся, ничего страшного, но у Вали на десне от больного зуба образовался нарыв. Сестру нужно показать стоматологу.

Людка почувствовала, как по телу побежала противная волна и ударила в щеки. Растерянная, не произнося ни звука, девочка замерла в ожидании продолжения.

– Завтра я и ты с сестрой поедem в Нукус, – продолжила Наталья Петровна. – Вот Александр Владимирович тебя отпускает. С директором мы тоже уже все решили.

– Конечно, поезжай. Поддержишь сестру. Ты ведь старшая. Валентина рядом с тобой не будет бояться. Ты согласна? – поддержал женщину воспитатель, вопросительно глядя на Людку.

– Хорошо, – тихо выдохнула девочка.

Все трое один за другим вышли из здания. Александрович Владимирович отправился в школу, а Людка с Натальей Петровной – в общежитие начальных классов.

Валька одиноко сидела на кровати и листала книжку. Увидев появившуюся в дверях сестру, младшая сморщила лицо и захныкала. Людка села рядом с ней, обхватила ее за плечи и прижала к себе. Наталья Петровна встала перед девочками. Она, глядя на печальных сестер, намеренно бодро заговорила: «Ну что вы, девочки, стоит ли грустить? Вам предстоит путешествие в Нукус, столицу Каракалпакии. Это большой город. Там живут мои родители. А мама моя стоматолог в городской больнице. Она нам обязательно поможет». Проведя мягкими, успокаивающими движениями по рукам девчонок, Наталья Петровна вышла из спальни.

Словно два несчастных птенца сидели сестры Никитины на казенной интернатской кровати. Людка осмотрела Валькину щеку. На ней красовался пластырь, а под ним скрывалась от людских глаз язвочка. Хоть «Доктор Айболит» и заклеила ранку пластырем, но все равно вид был не из приятных. Людке было жаль Вальку, поэтому она крепче обняла и прижала сестру к себе, таким образом пытаясь унять ее страх.

Утром следующего дня Наталья Петровна и сестры Никитины плыли на пароме по Амударье. Путешествие в Нукус заняло немного времени. Людка не успела увидеть что-нибудь примечательное, как нужно было высаживаться.

Дальше на автобусе добрались до поликлиники, где воспитательница взяла Вальку за руку и увела в кабинет, под дверью которого оставила старшую Никитину сидеть на деревянной скамье.

Больных под этим кабинетом не было. Людка, сидя в одиночестве, старалась не думать о том, что происходило за плотно закрытой белой дверью. Но страх за Вальку не оставлял ее. Она изо всех сил напрягала слух, чтобы услышать Валькин крик, ее болезненные стоны, но только странную тишину улавливали ее уши.

Ожидание становилось томительным. И тогда Людка перестала прислушиваться к звукам и начала петь. Она пела про себя любимую их с мамой песню: «Ой, цветет калина в поле у ручья...» Спела один куплет, второй... И тут дверь открылась. Из нее вышла Валька в сопровождении учительницы. Щека младшей сестры еще больше распухла: как оказалось, увеличилась она от положенного на ранку большого тампона. Следом появилась высокая статная женщина в белом халате.

– Ну все, теперь ничего болеть не будет. Вырвали мы Валин нехороший зуб, – обратила она к Людке красивое молоджавое лицо, а затем посмотрела на больную: – Попьешь, Валечка, лекарства, которые я тебе назначила.

Валька кивнула головой.

– Спасибо, мама! – тепло обняла Наталья Петровна доктора. – Рада была тебя повидать.

– Ты когда в отпуск пойдешь, доченька? – ласково спросила ту незнакомая женщина.

– Мама, я тебе позвоню. Пока! – Наталья Петровна еще раз обняла мать и поцеловала ее в щеку.

– До встречи! Если что, звони, – чувственно произнесла доктор, опустив руки в карманы белоснежного халата, и посмотрела на сестер. – До свидания, девочки! Берегите зубы! – приветливо попрощалась она.

– Спасибо! До свидания! – застеснявшись, выдавила из себя Людка. Валька говорить не могла, поэтому старшая Никитина благодарила доктора за двоих.

В интернат вернулись в тот же день. Людка приказала сестре приходить почаще и показывать зуб. Ранка постепенно затянулась, опухоль прошла. Только на щеке остался небольшой шрам. И жизнь пошла своим чередом.

Что подвигло Наталью Петровну заняться Валькиным зубом: боязнь выговора за недостаточно старательное выполнение своих обязанностей или голос совести женщины, которой доверили заботу о чужом ребенке? Ну, заметила, отвела бы к медсестре – пусть решает, что делать. Как говорится, с плеч долой и никаких проблем. Но ведь поступила иначе: организовала поездку в столицу, на свои средства повезла обеих сестер к специалисту. К чему ей были эти хлопоты?

Думается, есть категория людей, работающих с детьми, для которых ребенок свой или чужой – одно и то же. Они живут жизнью каждого ребенка. И если с маленьким чело-

веком случается беда, все силы души, все физические и материальные возможности бросаются такими людьми на его спасение. Чувство сострадания в них настолько обостряется, что мысль начинает работать быстрее, пробуждается жажда деятельности. И они делают то, что другим может показаться безрассудным и ненужным.

Глава 10

Каникулярные неприятности

– Ура! Каникулы! Мы едем домой! – затормошила Людку Валька, поймав ее в школьном коридоре.

– Что, вас уже отпустили? – поинтересовалась та, вопросительно глядя на сестру, у которой от радости сияло, казалось, не только лицо, но и волосы, и вся ее фигура.

– Да! А вас? – весело заглядывая старшей сестре в глаза, продолжала светиться младшая.

– У нас еще будет классный час. Но ты иди в корпус и собирайся. Скоро поедем.

– Как поедем? А кто нас повезет? – продолжала допрашивать взволнованная Валька.

– Сами поедем, – деловито сказала Людка. – Мама заявление прислала, я его уже директору отнесла. Нас отпустили.

– Ах, как хорошо, Людочка! Скоро будем дома! – прямо закипела счастьем Валька. – Ты не задерживайся. На поезд не опоздаем?

– Не опоздаем, – уверила девчонку Людка и поинтересовалась: – А где твой табель?

– Вот! Смотри! – Валька торопливо вытянула табель из дневника и горделиво протянула сестре.

– Позже посмотрю, – улыбнулась та, заметив, с какой поспешностью сестра достала свидетельство завершения учебного года. – Слышишь звонок? Я пошла, а ты укладывай в чемодан вещи. Смотри, не забудь чего.

И вот уже довольные девчонки сидят в общем вагоне с грохотом мчащегося поезда, обмениваются взглядами с пассажирами, ловят за окном азиатские пейзажи. Трястись до Кунграда нужно около трех часов. Говорить не хочется. Можно подумать.

«Сейчас приедем к тете Маше, – думает Людка. – Сколько потом ждать вертолет?»

Девочке не хочется долго задерживаться у друзей родителей. Они приветливые люди, всегда рады приезду детей Никитиных, но в очередной раз стеснять их как-то неловко. Да и видеть дядю Гришу по утрам в семейных трусах неприятно.

Мысль перескочила на прощание с друзьями. Клара перед отъездом обещала писать. Людка тоже. Ни она, ни Клара не остались отдыхать в лагере. Отправились по домам многие Людкины одноклассники, уехал домой и Рашид. Он веселый, дружелюбный парень. Но его улыбочивое лицо оборачивается к Людке так же приветливо равнодушно, как к любой другой

девчонке. Зато бесшабашный весельчак Рустам не дает прохода. Мордашка этого дуралея, как казалось Никитиной, появляется у нее перед глазами там, где нужно и не нужно. Однажды к ней прибежали, запыхавшись, Анька и сестры Пьянковы.

– Никитина, – заговорили они наперебой, – Рустам заболел. Лежит в изоляторе. Мы у него были. У него температура.

– А мне какое дело? Я чем могу ему помочь?

– Он хочет тебя видеть. Идем, пока медсестры нет.

Людка внутренне поежилась: идти к больному ей совершенно не хотелось. Ну, что она ему скажет? Спросит, что у него болит? Пожелает быстрее выздоравливать, чтобы снова маячить у нее перед глазами, преданно, по-собачьи, оказывать мелкие услуги? Вот если бы заболел Рашид, она бы обязательно пришла в лазарет, принесла какой-нибудь гостинец, книгу, чтобы ему не было скучно. Она нашла бы, что рассказать: о повестях Пушкина, которые заканчивала читать, о происшествиях на уроках, о ребятах. Она бы смотрела в его глаза, слушала его слова, его дыхание.

К Русте она все-таки пошла: девчонки прямо-таки силком потащили. Он, укрытый байковым одеялом, лежал на кровати в узкой комнатке, пропахшей больничными запахами. Рядом на квадратной тумбочке стояла нетронутая тарелка с кашей и стакан компота. Людка немного постояла, сочувственно посмотрела на красные нос и щеки мальчишки,

на свалывшийся чуб одноклассника, пожелала здоровья. Ей действительно было его жалко, но и только. Ни сияние при виде ее в его воспаленных глазах, ни счастливая болезненная улыбка, предназначенная ей, – ничто не тронуло глубин ее сердечка: оно было безраздельно отдано Рашиду.

А как же Женька Воронин, по которому Людка сохла в Риштане? Он не был забыт, но мысль о нем уже не вызывала печали. Женька остался в прошлом, а в настоящем был Рашид, ее одноклассник, которого она видела ежедневно, в одном школьном пространстве, близко, рядом. И от его присутствия, его случайного внимания и касания у нее замирало сердце. Ничего с этим она поделать не могла.

Вагон затих: какая-то станция. Началось обычное движение пассажиров, мысли у Людки сбились. Валька, задремавшая на плече сестры, подняла голову, сонными глазами взглянула на нее, на незнакомых людей, спросила: «Приехали?» «Нет», – коротко ответила Людка.

Вскоре вагон снова дрогнул, медленно, будто раздумывая, двигаться или остаться стоять на промежуточной станции, проплыл мимо перрона и, убыстряя ход, привычно застучал, загрохотал, закачал сидящих и лежащих в нем людей. Валька продолжила дремать на плече сестры, Людка уставилась в окно...

Переночевав у Марии и Григория, девчонки на вертолете прибыли на буровую. Екатерина, Витька и Светка кинулись навстречу вылезшим из огромной машины сестрам, броси-

лись их обнимать, тащить чемоданы. Отец дочерей не встречал: был на смене.

Соскучившаяся по своим ученицам Екатерина дома суетливо кормила дочерей и в то же время расспрашивала о том, как доехали, что нового у Марии и Григория, затем рассматривала табеля дочерей, хвалила, интересовалась жизнью в интернате. Пришедший с работы отец задавал те же вопросы, что и мать. Девчонкам повторно пришлось рассказывать о своих и не своих делах, но это их не утомляло: они так скучали по родным, что теперь готовы были в сотый раз радостно смотреть им в глаза, вспоминать пережитое, делиться впечатлениями и терпеть дергание их за руки, торможение за одежду нетерпеливых Витьки и Светки, желающих получить от приехавших сестер свою долю любви и внимания.

На следующий день Людка вышла из землянки на улицу, осмотрелась. Ничего в рабочем поселке не изменилось: все также равнодушно камышовыми крышами смотрели в горячее небо жилища буровиков и в отдалении нарушала тишину пустынного пространства буровая.

Не увидев в округе ничего привлекательного, Людка пошла на шум дизеля. Недалеко от вышки задрала голову. На площадке верхового разглядела белую каску рабочего, его энергичные движения, внизу мастерски орудовали еще двое рабочих, в таких же защитных шлемах. Шел подъем колонны: труба к трубе. Все как обычно, но как давно девочка не приходила к законодательнице жизни геологоразведчиков,

к месту надежд, успехов и разочарований мужчин поселка. Не только по родным скучала старшая Никитина в интернате. Ей не хватало привычной картины работы буровой: рева мощного двигателя, разнообразных движений бурильщиков, рассказов отца о произошедшем на производственном участке. Дочь геологоразведчика!

Побродив в окрестностях поселения, Людка вернулась домой: нужно было разобрать вещи. Среди кофточек, платьев, нижнего белья девочка нашла аккуратно спрятанные открытки, подаренные друзьями. Вот картинка с огромной цифрой 8, в которую вплетены яркие цветы – открытка от Рустама. «Зачем я ее храню?» – подумала Людка и отложила в сторону. Небольшая картонка со словами «С днем рождения!» и большим букетом роз – поздравление от Светы Пьянковой. Новогодние открытки с разными смешными зверюшками, снеговиками, Дедом Морозом: от Кости, Клары, Тamarки... Но ни одной от Рашида.

Девочка вздохнула. Да, вместе со всеми друзьями они с Рашидом часто играли в «Ручеек». Иногда ей выпадало везение: они с обожаемым ею парнем, держась за руки, образовывали воротца, при этом, как и все игроки, неизменно что-то орали, хохотали, толкались. Лучше этих минут тогда для Людки не было ничего.

Если затевали игру в догонялки и ловил убегающих Рашид, она старалась подбежать к нему как можно ближе, чтобы привлечь его внимание, а потом со всех ног броситься

наутек. Мальчишка же, рослый, длинноногий, конечно же, догонял ее, крепкую, увертливую, но не такую быструю, как он, хватал, за что придется, удерживал. Грубые прикосновения мальчишеских рук доставляли возбужденной, хохочущей Людке непередаваемое удовольствие: ничего не значащее игровое касание компенсировало ей отсутствие личного внимания любимившегося парня. Но открыток он ей не дарил.

Каникулы – на то и каникулы, чтобы отдыхать от школьных «надо», делать все, что вздумается. А летние – вообще случай особый: почти три месяца свободы от учебы! Как ни любила Людка школу, при мысли об этом сердце ее начинало петь. Но этот летний отдых на «Шахпахты» ей удовольствия не принес.

Настоящим кошмаром оказалась для нее ночь. Лежа в темноте на панцирной сетке металлической кровати, она яростно расчесывала все тело: не давали покоя клопы. Утром на простыне обнаруживались кровавые пятна, на коже – расчесы, розовые следы от укусов ночных кровососов: пятнышки в строчку, вразброс, пучками. Семейство выискивало насекомых на постели, находило, разглядывало коричневые тела, то плоские у голодных, то раздутые от крови у насытившихся, давило, расстроено молчало. И вот что удивительно: почему-то отвратительные паразиты так, как Людку, не кусали никого.

Решено было стелить Людке на ночь постель на полу. Родители, как всегда, ложились в своем углу землянки, детвора засыпала в отведенном им помещении. Но однажды среди ночи в темноте вдруг раздался истошный вопль: «А-а-а!» Это что есть мочи кричала старшая дочь Никитиных. Родители вбежали в комнату детей, зажгли свет.

– Что случилось? – испуганно спросила Екатерина, глядя на испуганную детвору.

– Не знаю! По мне что-то ползало! – чуть не заикаясь, выдавила из себя Людка. – Я сплю, а по мне что-то ползет. Большое! Я рукой его откинула, вон туда.

Все повернули головы в том направлении, куда показала девочка. Недалеко от ножки кровати, на которой спала Валька, одеяло свесилось. Отец приподнял одеяло, и все семейство увидело огромного паука, пытающегося сбежать. Тогда Николай мгновенно сдернул шлепок с ноги и прихлопнул многоногое чудовище.

– Людка, ты что, забыла? Это фаланга! Их сейчас здесь полно. Днем прячутся, а ночью выходят на охоту, – сообщил отец.

– А если бы она меня укусила? – все еще дрожа от страха, глядя на раздавленного хищника, прохныкала перепуганная девчонка.

– Ну, укусила бы, ничего страшного, не умерла бы, – успокоил дочь Николай. – Их здесь летом море. – И продолжил: – Да... Отвыкла значит!

– Какие лапы у нее мохнатые, фу! – сидя на кровати с поджатыми ногами брезгливо произнесла Валька.

– Ладно, – прервала разговор Екатерина, – ложитесь спать. А ты, Людка, свет не выключай, может, больше ни один паук не приползет.

Но не тут-то было. Заснуть после ужасного происшествия девочка не могла. Так и лежала, глядя в камышовый потолок, водя глазами по стенкам и углам комнаты. И опять увидела хищника. Он полз по кошме из-под кровати малышей прямо к ней, быстро семеня волосатыми лапами. Теперь уже девчонка смело проделала то, что и отец: с размаху ударила паука шлепанцем. Вид раздавленного животного был еще отвратительней, чем живого – Людку едва не стошнило. Она прикрыла останки паука листом бумаги и легла на прежнее место.

Сон не шел. Людка бездумно, бесчувственно смотрела в потолок, и тут увидела еще одного своего врага. Он висел спиной вниз, огромный, желтый, отвратительный, прямо над лампочкой, на проводе свисающей с потолка. Подниматься с постели полуночица не стала, отрешенно лежала и наблюдала за ним до тех пор, пока он куда-то не исчез.

Со дня приезда домой школьниц прошло около двух месяцев. За это время Людка осунулась, похудела, потускнела. Ночами она почти не спала: мешали постоянно горящий свет и боязнь ползущих на него пустынных пауков. Чтобы как-то обезопасить себя от ночных пришельцев, девочка сооруди-

жала из простыни полог, подтыкала края ткани под ватное одеяло, служащее ей матрасом, долго прислушивалась к шорохам. Страх опять почувствовать на своем теле волосатые лапы и ночная духота не давали заснуть. Так и бодрствовала девчонка до тех пор, пока наконец к воспаленным глазам не подобрался беспокойный сон, и тогда она забывалась.

– Слушай, Коля! Что будем делать? Людка совсем извелась, – как-то заговорила Екатерина с мужем.

– Даже не знаю, что и придумать, – ответил Николай.

– А что тут думать? Выход только один: отправить ее в интернатский лагерь отдыха.

– Да рано еще.

– Рано, не рано, пусть едет. Не могу больше смотреть на ее мучения.

Николай помолчал.

– Ну что ж, пусть собирается.

Как только на буровую прилетел очередной транспорт, родители проводили дочь. Она не сопротивлялась, скорее, была рада, что муки ее закончатся, что она в летнем лагере, несмотря на жужжание комаров за пологом, будет спать спокойно.

Глава 11

В страну сбывшихся мечтаний

Одноклассники вернувшуюся в интернатские пенаты

Людку встретили радушно: с жизнерадостной подругой здорово играть в пионербол, соревноваться, разучивать и распевать песни, толкаться и секретничать в сумерках, танцевать на вечерах.

– Людка, ты чего прикатила? Еще целый месяц каникул, – в первый же день пристали с расспросами к ней сестры Пьянковы. – С родителями поскандалила?

– Нет, девочки, с родителями все в норме. Замучили клопы и фаланги. Клопы кровь сосут, фаланги ползают. Бр-р-р!

– Про клопов мы знаем. Расскажи про фаланг, – попросила Светка.

– Это большие волосатые животные, у них тонкие длинные лапы, длинное туловище, большая голова, а на ней маленькие, как шарики, темненькие глазки, такие ехидненькие. Бегают фаланги – попробуй догони!

– Ну и пусть себе бегают. А ты-то чего их боишься? – поинтересовалась Светкина сестра Людка.

– Ага, могут укусить. На меня одна ночью как залезла, я орала, как дикая. Они очень любят выползать ночью. Особенно на свет лезут. К нам в землянку часто заползают. Нет, девочки, я чуть не сдурела от всех этих жителей пустыни.

– Никитина, а раньше как ты их терпела? Ведь все летние каникулы в прошлом году дома была, – удивилась Светка.

– Сама не знаю, девочки. Да ладно про них. А вы чего тут? Как вы тут отдыхаете?

И все девчонки, дружно усевшись на скамейку под боль-

шим лиственным деревом, весело хохоча, долго болтали обо всем, что их привлекало и вызывало у них бурную реакцию.

Дни, наполненные свободой, играми, весельем, летели один за другим. Но однажды к Никитиной, помогавшей на кухне поварихам чистить картошку, подошла вожатая Анечка.

– Люда, отложи нож и за мной. Тебя вызывает начальник лагеря, Саламат Мансурович, – весело сообщила пионерский вожак.

– Аня, а что случилось? – напряглась Людка.

– Ничего плохого не стряслось. Скоро все сама узнаешь, – загадочно улыбнулась девушка.

Неожиданных вызовов к кому бы то ни было Никитина всегда боялась, так как они не сулили ничего хорошего. И бояться-то, вроде бы, нечего, но все равно пугалась. И в этот раз ее сердечко сжалось в ожидании неприятностей, хотя вид у Анечки был такой, будто в лагерь привезли новые барабан и горн.

Войдя в кабинет начальника детского лагеря отдыха, Никитина поздоровалась и осмотрелась. Саламат Мансурович сидел во главе т-образного стола, с добродушным вниманием глядя на вошедших девушек. Перед ним сидели четверо ребят: Джантуреев Адаш, Светка Пьянкова, Ким Боря и Ахметов Тимур. При виде Людки, они, как по команде, уставились на нее удивленными глазами, как бы спрашивая: «И тебя сюда позвали?»

– Присаживайтесь, девочки, – радушно пригласил мужчина вошедших и легонько постучал карандашом по столу. – Ну, как отдыхается? – затем обратился он с дежурным вопросом ко всем притихшим на лагерных стульях мальчишкам и девчонкам.

Все пятеро с видимым желанием продемонстрировать удовольствие от пребывания на отдыхе ответили:

– Хорошо!

– А у нас для вас есть одно очень приятное сообщение. Анна, расскажи! – передал Саламат Мансурович пионерскому организатору эстафету на донесение чрезвычайно важной для каждого пионера новости.

– Ребята, – с традиционным энтузиазмом вожатых заговорила Анечка. – Решением совета дружины за активное участие в жизни пионерской организации интерната вы награждаетесь путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Мы долго думали, кого послать. Посчитали достойными вас. Во-первых, у вас нет троек. Во-вторых, вы победители различных соревнований, наша гордость. Скоро получите путевки – и в путь. Так что собирайтесь!

– Что ж, поздравляю, вы молодцы, – широко улыбнулся Саламат Мансурович и добавил: – Вернетесь, расскажете всем нам, чем во всесоюзной пионерской здравнице занимались, где побывали, что видели, чему научились. А теперь можете идти.

Обалдевшие от услышанного, дети молча вышли из ка-

бинета директора. Новость для них была из области фантастики. Получить путевку в «Артек» для большинства ребят страны – это как до Луны долететь. Везло самым счастливым. И вот среди везунчиков они, школьники из приюта, и среди них Людка, девчонка из многодетной рядовой семьи, живущей у черта на куличках, не имеющей ни кола, ни двора.

Молчать больше не было сил, и детвору прорвало. «Ура!» – заорали все во всю глотку следом за Тимуром, заплясали дико на игровой площадке. Сумасшедше громкие голоса будущих артековцев взорвали тишину обеденного времени лагеря, всполошили птиц в тенистых кронах деревьев, взлетели в пылающее летнее небо к самым облакам – вселенская радость детей из интерната понеслась над землей.

И вот он в руках, этот драгоценный пропуск в ребячью страну сбывшихся мечтаний. «Направление во Всесоюзный ордена Трудового Красного Знамени пионерский лагерь «Артек» имени В. И. Ленина», – читает Людка и не может поверить, что она действительно поедет в Крым, к Черному морю.

Готовых к поездке пионеров, с упакованными в чемоданы по списку вещами, Анечка привезла в Нукус и в республиканском комитете комсомола передала ответственным за доставку детей в пионерскую здравницу. Попутчиков у тахиаташских пионеров оказалось прилично. Когда подошел туристический автобус, все неспешно заняли свои места. Никитина уселась в мягкое кресло рядом со Светкой Пьянковой,

и автомобиль двинулся в аэропорт.

Школьницы Никитины время летних каникул обычно проводили на открытой всем устюртским ветрам буровой «Шахпахты» либо в интернатском пионерском лагере. И с родителями дети вообще никуда не ездили отдыхать: чрезвычайно затратным был бы отдых, не потянуть. Поэтому никто о развлекательных поездках в семье не думал и не заикался. А тут Людка летит – не на грузовом вертолете с коробками макарон, мешками муки, круп, ящиками овощей, бидонами масла и сметаны, как еще один предмет необходимости, – летит как настоящая путешественница, да еще на большом пассажирском лайнере. И не во время очередного переезда с семьей на новое место жительства, а в международный пионерский лагерь «Артек»!

Переполненная отрадными чувствами, сидя в салоне мурлыкающего самолета, девочка оглядывается. Она ловит на себе символические, все понимающие и разделяющие ее настроение взгляды Борьки и Тимура, сидящих через проход, с довольным видом смотрит на волнующуюся рядом Светку (Адаша не видит, он спрятан спинкой кресла перед ней, но ощущает свое и с ним единение).

Поворачивается к иллюминатору – повезло же ей с местом: в полете между небом и землей (она это знает) столько необычного! То ослепительно яркое солнце глянет прямо в глаза и заставит зажмуриться; то молочный туман облаков затянет стекло иллюминатора, и Людка будто ослепнет; то

завораживающе, словно на живой карте по географии, медленно сменится ландшафт, и девочка, не отрывая всеобъемлющего взгляда, проследит за тем, как недостижимо далеко внизу проплывут незнакомые города и поселки, изовьются змейками реки и станут близкими (кажется, только руку протяни) горы в белоснежных шапках и шарфиках снега.

А крылатая машина безостановочно поет свою песню. И девочка, насытившись разнообразными картинками земной поверхности и небесными сюрпризами, удобно устроившись в кресле, незаметно для себя начинает подремывать.

Через два с половиной часа самолет, летящий рейсом «Нукус-Симферополь», приземляется на крымском полуострове. Для избранных фортуной детей начинается чудесная сказка «Отдых в «Артеке».

Через три дня Людка отправила домой письмо. В нем она писала:

– Здравствуйте, дорогие мама, папа, Валя, Витя и Света! Вы не поверите, но я пишу вам из «Артека», куда меня и еще наших четверых ребят отправили 27 июля. Здесь мы будем отдыхать 22 дня.

Сначала мы из Нукуса прилетели на красивом самолете в Симферополь. В этом городе на автобусе для туристов нас отвезли в эвакуопункт, где всех ребят проверил врач, а потом опять на автобусе мы поехали в сам «Артек». По дороге было немного страшно, когда петляли в горах, и в то же время очень интересно. А море я сразу не узнала: оно сливалось на

горизонте с небом.

В лагере нам выдали артековскую форму обычную и праздничную: будем ходить в шортиках, в рубашках и панамках. А свою одежду оставили в камере хранения.

У нас две вожатых: Лариса и Вера. Они рассказали нам, что в «Артеке» пять лагерей: «Морской», «Горный», «Лазурный», «Кипарисный» и «Прибрежный». Какие интересные названия! Я буду жить в «Прибрежном». Дружина наша называется «Речная», а корпус, в котором нас поселили, – «Волга». Представляете, буду жить как будто на реке Волге.

Комната, где живу я и еще семь девочек, – на втором этаже, просторная и светлая. А одна стена раздвижная. Я такую нигде не видела. Двери стеклянные раздвинешь, и ты уже как будто не в комнате, а на балконе. Дует прохладный морской ветерок. И видно огромное Черное море и вдалеке горы – их названия я пока не знаю. Так красиво, что вам не передать!

Мама и папа! Обо мне не беспокойтесь. Мне здесь очень-очень нравится.

До свидания! Целую! Люда

Получив письмо, Екатерина здесь же надорвала конверт и занялась чтением. Прочитав послание, с удивлением еще раз взглянула на конверт и глазам своим не поверила: обратный адрес «Артека»! Не может этого быть! Ведь недавно только отправили Людку в Тахиаташ, в интернатский лагерь отдыха. А тут на тебе – «Артек»!

Новость была сногсшибательной. Вечером Екатерина, уже вслух, читала письмо Николаю и детям. Долго семейство не могло успокоиться от неожиданного, совершенно невероятного известия.

– Как же так?! – удивлялась мать. – Наша Людка – и в «Артеке»!

– А что? – говорил Николай. – Чем наша дочь хуже других? Она умница! И ты, мать, гордись ею.

– Да я и горжусь! – вытирая слезы счастья, смеялась Екатерина. – Повезло нашей дочери. Дай бог, чтобы всем нашим детям так везло.

Умолчать о таком происшествии Никитины, конечно же, не смогли. Скоро весь поселок узнал, что Людка Никитина отдыхает на Черном море, в «Артеке». Соседи поздравляли родителей, дети завидовали.

Глава 12

Творческий порыв

Легкий говор морских волн, голубая чаша ясного неба, ласковое тепло дневного светила – все это вызвало у Людки, греющей тело на речном лежаке после окунания в холодную воду, истинное блаженство. Если бы она была кошкой, то обязательно замурлыкала. Но она была двенадцатилетней девочкой и поэтому просто лежала на спине с открытыми глазами и посылала свое улыбочивое настроение в

прогретый воздух берега моря.

Конечно, ее немного расстроило само купание.

– Ну что это такое! – говорила она Катьке, девчонке из Латвии, с которой сразу же подружилась. – Только один раз по свистку Ларисы забежали в воду, через пять минут, опять по свистку, вышли на берег. На этом все и закончилось. Вот хоть дали обсохнуть на лежаках.

– Нас же предупреждали об этом, – лениво тянула слова подруга, – в первый раз в воде будем недолго.

– Но все равно немного обидно, – жаловалась Людка и тут же, нежась на солнце, примиряюще восклицала: – Да ладно, ещекупаемся!

– Люда, а ты на какой кружок записалась? – помолчав, потревожила ее блаженное состояние Катька.

– Буду ходить на рисование, – вяло отозвалась Людка.

– А я пойду на хор: люблю петь. Почему ты не выбрала, например, хор или драматический? – продолжала допытываться подруга, лежа на животе и перебирая руками гальку.

– Я бы на все кружки ходила, но сказали выбрать какой-то один. Мне нравится рисовать. Может, научусь еще что-нибудь изображать, кроме цветов.

Вскоре ей представился случай блеснуть талантом художника. На одном из занятий кружка был объявлен конкурс рисунка на космическую тему. Можно было использовать карандаши или краски – на усмотрение кружковца. Людка выбрала краски.

И вот перед ней чистый лист плотной белой бумаги. Простым карандашом девочка старательно наносит контуры земного шара, рядом с которым на космическом корабле летит космонавт. Ей бы очень хотелось нарисовать Юрия Гагарина, но она не уверена, что сможет – люди у нее не очень получаются. Ничего! Главное, чтобы получился космонавт. Он в скафандре, поэтому лица не будет видно. Это ее спасение.

Картина получилась невероятно яркой и насыщенной. Людка своим художеством осталась довольна.

Когда сеанс живописи подошел к концу, к юным художникам обратился руководитель кружка, Иван Константинович.

– Ребята! Положите свои рисунки на столе так, чтобы все уместились.

Людка свою работу пристроила рядом с другими.

– Так... – продолжил мужчина. – Давайте посмотрим, что у нас получилось. А получился у нас коллаж «Космос глазами артековцев».

Ребятня, окружив стол, уставилась на рисунки. На них красовалась земля в своем лучшем убранстве; взлетали и уносились прочь от нее ракеты, космические корабли разных форм, размеров и окраски; космонавты дружески выглядывали из скафандров, приветственно махали рукой землянам; горели разноцветные звезды в ночном небе над проплывающими под ними космическими летательными аппаратами. Людка сравнила свою работу с картинами других ребят. Все

работы ей понравились. Назвать лучшую она не могла.

– Ну, что? Кого выберем победителем? – спросил Иван Константинович. – Что скажете?

Все молчали: победителем хотелось быть каждому.

– Есть предложения?

– Иван Константинович! – обратился к нему рослый парень с голубыми глазами. – Лично мне нравятся все рисунки ребят. Может, не будем проводить конкурс?

Руководитель кружка обвел взглядом кружковцев.

– Есть против такого предложения возражения?

Никто возражать не стал.

– Вы все, ребята, очень творческие люди. Объявлять победителя, с вашего молчаливого согласия, мы не будем. Победила дружба и ваша любовь к рисованию...

Ночью Людка спала плохо. Необычайно взволнованная, она то и дело просыпалась, вертелась ужом на кровати, не находя удобного положения своему телу. Мысленно просматривая конкурсные космические пейзажи, вспоминала Юрия Гагарина, думала о том, понравилось бы ему его изображение неопытной художницей или он бы огорчился, глядя на нарисованное в шлемофоне свое лицо. И тут в ее голове стали складываться поэтические строчки. Ей хотелось выразить необъятность загадочной вселенной, передать свое и всемирное восхищение героизмом первого космонавта, взлетевшего над землей и увидевшего ее такой, какой в жизни никто не видел.

На следующий день стихи были аккуратно записаны в школьной тетрадке. Не зная почему, Людка никому их не показала, даже своим близким подругам Светке и Катьке. Несколько дней она ходила в приподнятом настроении. Возбуждение от творческого порыва не угасало, и она решила отправить стихи в «Пионерскую правду», указав при этом обратным адресом местонахождение «Артека». Ведь печатают стихи других ребят в пионерской газете, может, и ей повезет.

Ответ пришел довольно быстро. Получив письмо, Людка уединилась на уличной скамейке и нетерпеливо вскрыла конверт. Доброжелательная редакция сообщала, что стихотворение получилось очень эмоциональным, но напечатать его на страницах пионерского издания она не может. Далее было сказано, что нужно хорошо обдумывать тему, искать для ее раскрытия нужные слова, изучать правила стихосложения. В конце письма чуткие люди пожелали автору здоровья и творческих успехов.

Несостоявшаяся поэтесса безвольно опустила руку с письмом на колени, огорченно повздыхала, глядя на цветочную клумбу и не видя ее, окончательно успокоилась и решила никогда больше стихов не сочинять.

Наверное, каждый из нас, людей и людишек, однажды, в состоянии повышенного разочарования, торжественно или не очень клялся: «Да никогда больше!». Но жизнь идет без остановок. Меняются обстоятельства, иными становятся лю-

ди. И снова кто-то выкинет что-нибудь необычное, несвойственное, неожиданное для себя самого, а потом в ярости, в замешательстве или в отчаянии опять бросит решительно: «Да никогда больше!».

Ну, а если у дерзнувшего на революционный переворот в собственном сознании и в существовании все сойдется, все получится? Тогда он, восхищенный самим собой, возможно, скромно скажет: «Я сам от себя этого не ожидал». Или, если очень образован, чувственно воскликнет знаменитое: «Ай да Пушкин!..»

Что произойдет в будущем, предполагать Людка-подросток не могла. Верно говорят, не зарекайся – правда, в этом случае не от сумы и от тюрьмы, а от скоропалительных обещаний.

Глава 13

Отдыхать здорово

Артековские дни пролетали незаметно и весело. В письмах домой Людка писала, что отдыхать в «Артеке» просто здорово. Здесь очень вкусно кормят. Особенно ей понравился нежный, по вкусу похожий на блинчик омлет: такого вкусного она еще никогда не ела. Вечерами все ребята ходят на танцы или в кино. Она тоже. Уже разучила артековские песни и с удовольствием их поет. Еще ей нравится ходить строем и скандировать речевки.

Раз, два, три, четыре!

Ноги выше, плечи шире.

А недавно в дружине проходила военно-патриотическая игра «Зарница». Людка с девчонками своего отряда были санитарками. Где только они не лазали: по канавам, по каким-то кустарниковым дебрям! Надо правду сказать, раненых они не нашли, только очень устали. А когда Сморогов Виталька, мальчишка из Курска, начал над ними смеяться, его тут же поймали и обвязали голову бинтом – хоть какой-то «раненый» попался.

А еще они всем отрядом ходили на вершину Медведь-горы. Эту гору еще называют Аю-Даг. Было жарко. Добирались долго, с трудом, очень хотелось пить. Но вожатые попросили потерпеть, потому что взбираться на самый верх горы с полными воды животами будет еще труднее. На обратном пути пить никто не запрещал, и все пили от пуза из встреченной колонки.

По пути на Аю-Даг отдыхали на стоянках. Но долго находились на самой вершине «медведя». Там и обедали. А какая красота открылась перед ней, когда она стояла высоко над землей! Видно было море, побережье, «Артек»! Людка разглядела даже свой корпус. Восхождение на Аю-Даг прошло без особых происшествий.

А вот поездка в Севастополь была не очень благополучной. Накануне вечером «волжане» долго не засыпали, пробирались друг к другу в спальни, и девчонки визжали как ре-

занные. Пионервожатая Вера долго успокаивала разбушевавшийся отряд и пообещала всех наказать. На следующий день обе вожатые отчитывали своих пионеров.

– Как вы себя ведете! Как вам не стыдно! Вы же артековцы! – возмущалась Вера.

– Скорее всего, мы в Севастополь не поедем, – вторила ей Лариса. – Ехать долго, с остановками в памятных местах. А если в поездке тоже будете вести себя безобразно?

– К сожалению, Лариса, отказаться от экскурсии не получится: паек уже выделили.

– Ничего, придумаем, как наказать.

Весь отряд вмиг онемел. А что можно было сказать в свое оправдание? Не раскрыла рот и Людка.

Расплата за ночное безобразие все-таки последовала. Первым пунктом остановки намечалось посещение знаменитой Сапун-горы. Ребята из других корпусов отправились с гидом знакомиться с диорамой «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 года», а отряд Веры и Ларисы остался на автобусной стоянке. Было до слез обидно и ужасно скучно. Но что поделаешь? Заслужили.

Слоняясь по площадке с припаркованными автобусами, наказанные, и Людка в том числе, рассмотрели все сувениры в киосках, купили значки и открытки, посвященные героической обороне Севастополя в годы Великой Отечественной войны и затем, разглядывая их, понуро ждали возвращения остальных экскурсантов.

– Кто скажет, что будем делать? – спросила Людка, сидя на прогретом солнцем цветочном бордюре.

– Надо просить прощения, – предложила Катька, примостившаяся рядом.

– Я «за»! – сказала Семеренко Оксанка, стоя перед подружками. – Как-то не хочется караулить автобусы, когда другие смотрят на достопримечательности.

– Надо ребятам сказать, – решительно поднялась с бордюра Оля Рябинина. – Пусть присоединяются. – И направилась к группе мальчишек, кучкой стоящих в отдалении от девчонок.

Объединившись, все «волжане» поднялись в автобус, где одиноко сидели их вожатые.

– Лариса и Вера! – обратилась к ним Рябинина. – Я как председатель совета отряда даю обещание от имени всех пионеров «Волги» дисциплину больше не нарушать, соблюдать все правила «Артека». Пожалуйста, простите нас!

– Вера! Что скажешь? Простим? – посмотрела на подружку Лариса.

– Ты думаешь, им можно доверять?

– Даже не знаю.

И тут, как по команде, загалдели сразу все мальчишки и девчонки. Такого количества обещаний вожатые еще не слышали.

Что было, то прошло! Осознавшие свою вину пионеры были прощены и допущены ко всем запланированным в этой

поездке экскурсиям.

В письме к родным о неприятном инциденте Людка не сообщала: об этом писать было стыдно – она ведь тоже участие в ночной вакханалии принимала. Зато рассказала про величественное зрелище – панораму про оборону Севастополя, где сражение казалось настоящим, а люди живыми; упомянула о Приморском бульваре и Памятнике погибшим кораблям, о посещении Военно-исторического музея Черноморского флота; восторженно поведала о севастопольском аквариуме, где без отдыха туда, сюда сновали огромные и маленькие необыкновенной расцветки рыбы, важно плавала невероятной величины черепаха, дремал и хитро посмеивался крокодил.

Не написала Людка и о том, как она сочинила стихотворение, отправила его в «Пионерскую правду» и получила отказ в его издании – ну зачем лишний раз огорчать родных?! Зато похвасталась, что на спартакиаде дружины получила Диплом победителя за третье место по прыжкам в длину. Она привезет домой эту награду и еще три фотографии, где снимались все пионеры отряда на лестнице своего корпуса, на берегу моря и на фоне столовой, крыша которой очень похожа на тесно прижатые друг к другу шляпки грибов.

Глава 14

Финальные шесть дней

«Уже 12 августа, – думает Людка, сидя на своей любимой скамейке и глядя в небо. – Будем в лагере еще шесть дней. Как хорошо! Завтра обещали прогулку по морю. Наконец-то!»

– Никитина, ты чего тут расселась, не слышишь, сбор отряда объявили! – выпалила подруге в лицо запыхавшаяся Варька Панова.

– Не знаешь, почему? – лениво подняла на нее глаза Людка.

– Наверное, что-то важное, если с утра не было объявлено. Пошли скорее!

– А куда идти? – следуя за полненькой фигурой Варьки, спросила Людка.

– На площадку солярия, – пыхтя, как паровоз, бросила на ходу поднимающаяся по ступенькам лестницы посланница вожатых.

Весь отряд был уже в сборе. Вожатые стояли спиной к перилам и о чем-то оживленно говорили, ребята сидели перед ними на скамейках и в ожидании вестей развлекались кто как мог.

– Валдис, подвинься, пожалуйста! – попросила Людка и села рядом со светловолосым рослым мальчишкой, сидящим с краю на ближайшей скамье. Варя вернулась на свое место.

Лариса и Вера продолжали о чем-то тихо переговариваться, а члены их отряда дружески шлепали друг друга по затылкам и затем сидели с отрешенным видом, будто не они, а

кто-то другой произвел легкий шлепок по голове товарища.

Как-то Людка, глядя на совместное фото, подсчитала, что в их отряде тридцать девять ребят: двадцать мальчишек и девятнадцать девчонок. И еще подумала о том, из каких только мест они не приехали. Если она, Светка Пьянкова и тахиташские мальчишки – из Каракалпакии, то Катька Самсонова, Губанов Юрка, Марис Лиепиньш – из Прибалтики. А Оксана Семеренко, Богдан Седых – из Украины. Есть ребята из Минска, Иркутска, Ташкента, других городов и республик. Людке нравилось думать о том, что все ребята разные, но какие дружные! И это здорово! Правда, ей было немного обидно, что она не вошла в совет отряда и не ее, а длинноносую Ольку Рябинину из Ленинграда выбрали председателем совета отряда, но это было в самом начале смены, а сейчас ей все равно, ей и так хорошо.

Крымское полуденное солнце донимало землю летним жаром, но детвору от его горячих лучей прятала крыша корпуса. А вот морской ветер беспрепятственно гулял в тени площадки, огражденной перилами, шарил в стрижах ребятни, играл концами алых шейных косынок, и когда вожатые наконец повернулись лицами к своим артековцам, порывисто взмахнул длинными концами их пионерских галстуков. И Людка обомлела: не шелковая ткань затрепетала под порывами бриза, а пара алых птиц взмахивала легкими крыльями, готовая унести далеко-далеко от веселой суеты детей и забот их старших товарищей.

– Ребята! Мы с Ларисой собрали вас здесь для того, чтобы всем отрядом принять важное решение, – обратилась к слушателям Вера.

– Отменяется морская прогулка к Адаларам? – спросил сидящий рядом с Людкой парень.

– Ну что ты, Валдис, к скалам-близнецам мы обязательно поплывем, – успокоила взволнованного мальчишку вожатая. – Мы о другом. Завтра на костровой «Морского» будет проходить «космическая эстафета». В «Артек» приедут космонавты Юрий Алексеевич Гагарин и Павел Романович Попович. Космонавты будут не одни, они привезут с собой собачку Жульку. Знаете, кто такая Жулька?

– Это собачка! – послышался озорной голос из середины отряда.

Вся ребятня и их старшие товарищи дружно рассмеялись.

– Да, Юра, ты правильно услышал: это не кошечка, а собачка, – подыграла Губанову Лариса.

Новый взрыв смеха раздался под навесом солярия.

– А все же, что вы знаете о Жульке? – улыбаясь, спросила девушка.

Никто из пионеров ничего сказать не мог, и Лариса продолжила:

– Жулька – это не обыкновенное животное, а настоящая собачка-космонавт. Она побывала в космосе не один раз. Но самым опасным полетом для Жульки был полет 22 декабря 1960 года. Летала она не одна, с ней была еще собачка,

Альфа. Стартовали они с космодрома Байконур в аппарате «Спутник», но в космос ракета не попала: произошла какая-то авария. Капсула с животными приземлилась на Крайнем Севере. Спасатели нашли аппарат только 25 декабря. Представляете, в ужасный мороз три дня в металлической капсуле! Все поисковики думали, что животные погибли. Но они оказались живы. И вот эта Жулька тоже будет завтра гостьей «Артека».

– Космонавты в «Артеке» – это здорово! – Людка услышала голос Катьки Самоновой.

– Здорово-то, здорово! Только увидят космонавтов, к сожалению, не все, – вздохнула Вера. – Ведь костровая «Морского», где пройдет встреча, принять ребят из всех пяти лагерей просто не может. От каждого отряда предстоит выбрать по три делегата. Так что давайте думать, кто отправится на встречу от нашей «Волги».

На площадке установилась необычная тишина. Только ничего не понимающий ветер продолжал торموшить прически и галстуки задумавшихся пионеров. Затянувшееся молчание отряда нарушила Вера:

– Ну что же вы, предлагайте кандидатуры, будем голосовать.

Но на этот призыв не поднялась ни одна рука, не раздался ни один ребячий голос.

– Ребята, почему вы молчите? – заговорила Лариса. – Каждый из вас достоин увидеть героев страны. Вы все боль-

шие молодцы. Ведь не случайно оказались в «Артеке». Но придется выбрать только троих. Я думаю, что никто не будет против, чтобы наш отряд в «Морском» представляла председатель совета отряда Оля Рябинина. Есть возражения?

Возражений не было. «Опять эта Олька!» – мелькнуло в голове у Людки, но и она ничего не сказала.

– А давайте выберем уже мальчишек. Ведь космонавты все-таки мужчины, – подала голос Катька. – Я предлагаю Валдиса и Адаша. Они очень активные, никогда отряд не подводили.

Против этих ребят Людка ничего не имела, а за Адаша даже порадовалась – свой, тахиаташский! Голосовали за всех сразу. Кандидатуры утвердили единогласно.

На следующий день после тихого часа и полдника всех «волжан» посадили на катер, и судно вышло в открытое море. Никитина сидит возле самого борта и ловит взглядом даль, живую морскую пустыню, докучливых чаек, что с писком кружат над движущейся машиной, пытается заглянуть в самую глубь пучины, прячущейся под волной.

У Людки от страха замирает сердце, и в то же время ей ужасно любопытно видеть море не с безопасного берега, а в его середине. Вот бы подглядеть в массивной водяной толще хоть какую-нибудь ее маленькую тайну! Вода лазурная и прозрачная! Но дна все равно не видно. Занятая своими наблюдениями и мыслями, она ничего не отвечает о чем-то спрашивающей ее Катьке, а только подставляет успешнее за-

гореть под южным солнцем лицо встречному ветру и загадочно ухмыляется.

Катер подплывает к скале, в которой видна выемка с внутренним арочным сводом. Волны бьются о подножие горы и рассыпаются алмазными брызгами. Это Пушкинский грот. Экскурсовод, крепкого сложения парень, рассказывает, что Пушкин бывал здесь летом 1820 года. В его честь и названа пещера. Людка представляет себе, как ее любимый поэт на лодке подплывает к гроту, трогает руками каменные стены. Ей тоже очень хочется прикоснуться к скалистому боку грота, но протянутая рука девочки только мягко рассекает воздух в полутора метрах от каменной громадины, вызывая в душе экскурсантки легкое разочарование.

Катер продолжает рассекать водную гладь, несется по волнам дальше. И вот новая скала. Она недалеко от Пушкинского грота. Она раньше называлась Футя, Ява, Султанка («Ого, сколько у нее названий!» – думает Людка), а сейчас называется Шаляпинской. Так рассказывает сопровождающий отряда. Людка знает, кто такой Шаляпин. Но почему эту скалу так называли? Оказывается, знаменитый певец купил ее за большие деньги и хотел построить замок для творческих людей. Но не построил. Людке жаль, что певцу не удалось это сделать: хорошая была задумка.

Судно удаляется от Шаляпинской скалы и мчится к Адаларам. Это два острова, находящиеся в море. Ой, сколько здесь птиц! Людка спрашивает про себя, как они называют-

ся. Вера, вожатая, будто подслушав Людкины мысли, подсказывает, что это бакланы. Дальше девочка узнает, что существует много легенд, рассказывающих о появлении островов. По одной из них, в скалы превращены непослушные братья-близнецы: они вопреки запрету слуги использовали магические ларцы для того, чтобы завоевать любовь похищенных ими сестер.

Людке легенда нравится. Она вообще любит сказки, предания, притчи. – Ребята! – говорит гид. – Сейчас катер будет проплывать между скал. Вы можете загадать желание. Говорят, сбывается.

Все артековцы и, конечно же, Людка, выполняют ритуал. Девочка очень хочет еще хотя бы раз побывать на Черном море.

Прогулка заканчивается, катер несется к причалу. Адалары остались позади, слева уплывают Шаляпинская скала, Пушкинский грот. Виден весь берег «Артека» и Медведь-гора. Артековская бухта! Боже, как красиво! Девочка безмерно счастлива! И у нее на глаза наворачиваются слезы. Это слезы умиления и восхищения. Но их никто не должен видеть! Еще засмеют. И путешественница всем своим взволнованным существом, отворачивая от друзей лицо, впитывает озорные солнечные зайчики на воде, серебро игристых брызг от летящего по волне катера и глубоко вдыхает необыкновенный, морской воздух.

На лагерь «Прибрежный» наплывали безмятежные су-

мерки. Вожатых нигде не было видно, и пионеры корпуса «Волга» на свое усмотрение резвились на площадке перед зданием. Поймав в очередной раз Катьку, утомленная бегом-ней Людка, шумно дыша, с удовольствием плюхнулась на скамью. Рядом с ней приземлилась и подруга.

– Слышь, Людка! Правда, здорово мы поплавали на катере?! Как думаешь, нас еще куда-нибудь повезут?

– Не знаю, не говорили, – повернув к подруге пышущее жаром лицо, отозвалась та, а затем поинтересовалась: – Катька, ты не знаешь, где вожатые? Что-то никого не видно.

– Говорят, Вере плохо. А Лариса с Ольгой, Валдисом и Адашем ушли в «Морской» на встречу с космонавтами, – без особых эмоций доложила Катька.

Новость о том, что в данный момент проходит такое чрезвычайное событие, как встреча с героями космоса, произвела в душе Людки настоящий бунт: в ней бешено разыгрались отчаяние и протест – космонавты здесь! рядом! рукой подать! а она их не увидит!

– Послушай, Катя! Разве это справедливо, что вот в «Артек» приехали Гагарин и Попович, их увидят только наши делегаты, а мы – нет, – в голосе Людки послышались горечь и, чего греха таить, черная зависть.

– Мы же сами за них голосовали, – вступилась за счастливых Катька.

– Ну и что, что голосовали. Представляешь, есть такая возможность – повидать настоящих героев! Никогда больше

в жизни так не повезет, – уныло закончила Людка.

– Да, но что же делать? – не ожидая ответа, просто так спросила Катька.

Девчонки замолчали. Но желание увидеть знаменитостей у Людки было настолько сильным, что в голове у нее вдруг молнией пронеслась мысль: “Бежать!”

– А знаешь что? – медленно начала она, будто раздумывая. – «Морской» совсем рядом. Что, если мы быстренько сбегаем, посмотрим – и назад?

– С ума сошла? – послышался придушенный голос Катьки, вскочившей с места и нависшей над сумасбродкой. – А если узнают, что мы без разрешения, нарушив дисциплину, покинули территорию «Прибрежного»? Что тогда будет? Помнишь, как нас наказали на Сапун-горе? И то только за то, что мы просто бесились после отбоя. А тут такое!

– Катя, никто же не узнает, – горячо начала убеждать подругу и себя подстрекательница. – Смотри, уже темнеет. Возжатых нет. Все разбрелись кто куда. Мы туда – и назад. Хоть одним глазочком посмотреть на живых Героев Советского Союза, настоящих летчиков-космонавтов!

Людка замолчала. Катька выпрямилась, постояла, подумала и, перестав сопротивляться, выдохнула:

– Ладно, уговорила. Бежим!

Стараясь не привлекать ничьего внимания, заговорщицы в полутьме осторожно спустились к аллее, прячущейся в тени засыпающих деревьев, и со всех ног понеслись к костро-

вой лагеря «Морской». Заблудиться они не могли: не раз ходили по дороге, что напрямик вела к соседям.

Бежали быстро. Ветерок освежал разгоряченные лица. Ветки ствольных растений прикрывали темнеющее небо, но зажженные фонари большой дороги, тянувшейся рядом, подсвечивали путь. Девчонки не замечали ничего. Охваченные непреодолимым желанием увидеть Гагарина и Поповича, они и не думали ни о чем.

До самого места торжества бегуни не встретили ни души. Когда, запыхавшись, добрались до костровой, сумерки сгустились, и нарушительницы артековских запретов, скрываясь в тени деревьев, стали присматриваться к происходящему.

Свет многих прожекторов освещал площадь, и на ней, словно днем, явственно обозначались и предметы, и люди. Заполненные до отказа артековцами в праздничной пионерской форме трибуны «Морского» представляли собой единый живой организм, дышащий интересом, волнением и восторгом. На широком свободном пространстве перед ребятами у микрофона стояли знакомые девчонкам только по фотографиям и кинохроникам Юрий Алексеевич Гагарин и Павел Романович Попович. Они говорили зрителям слова прощания и радушно улыбались. Жульки с ними не было.

Но вот неожиданно космонавты под громкие рукоплескания трибун отходят от микрофона и направляются прямо в сторону Людки и Катки. Оказывается, в двух шагах от

притаившихся нарушительниц стоит автомобиль. Именно к нему подходят мужчины и, вместе с маленькой девочкой в летнем цветном платьице, появившейся неизвестно откуда, тихо переговариваясь, садятся в авто. Слышен звук заработавшего двигателя, «Волга» медленно выбирается из тени деревьев и уезжает.

Что в этот момент испытывает Людка? Ошарашенная невероятно близким присутствием летчиков-космонавтов, девчонка с головы до пят поглощена увиденным. Сбоку от нее молча стоит Катька. И пусть они не слышали все слова, сказанные прославленными людьми, им и того достаточно, что они увидели.

Было ли Людке стыдно за то, что дерзко нарушила правила лагеря, сделала сообщницей своего некрасивого, в общем-то, поступка подругу, в принципе, подвела вожатых?

Нет, нет и нет. Правда, ночью Людка подумала о том, во что бы ее, непослушную пионерку, нарушившую запрет (как братья-близнецы в легенде об Адаларах), превратил артековский волшебник: в скалу, в морскую пену, в чайку? И решила: ну и пусть!

Видно, бывают в жизни такие моменты, когда человек идет за своим желанием вопреки всем наставлениям и понятиям, и никакие ограничения не могут его остановить. Да и судьба будто хранила набедокуривших девчонок: никто в отряде об их преступном марафоне так и не узнал.

Как ни печально, всему приходит завершение. Сказке тоже.

Прощай, «Артек»!

Ребята отряда «Волга» расстаются с вожатыми Верой и Ларисой, друг с другом, с навсегда полюбившимся лагерьем «Прибрежный», с «Артеком». Они уже сдали артековскую форму, оделись в свою одежду и ждут прибытия автобуса, который помчит их по знакомой горной дороге, доставит в место пересадки, Симферополь, откуда, теперь уже бывшие артековцы, разлетятся кто куда на просторах огромной любимой страны – СССР.

Прощай, «Артек»!

Расставание вызывает у отъезжающих искренние слезы. Мальчишки и девчонки, стесняясь нахлынувших чувств, пытаются беззаботно балагурить, смеяться, похлопывают друг друга по плечам, обнимаются, целуются. И дружба, родившаяся в «Артеке», будет долгие годы греть сердца этих ребят.

Прощай, «Артек»!

Людка обнимается с друзьями. Долго держит в объятиях Катюку: их связывают многие воспоминания. Никитина улетит в Каракалпакию, Самсонова – в Латвию. Как далеко одна от другой эти республики! И как приятно будет их жительницам получать друг от друга весточки. Они обещают обязательно писать. В этом и состоит дружба: не забывать друг друга, даже если расстояние между друзьями тысячи кило-

метров.

Глава 15

Старшеклассница

Новый учебный год – выпускной для восьмиклассников – начался как обычно с заезда воспитанников интерната. Теперь, входя в комнату общежития, девчонки радостно бросались в объятия не только друг друга, но и Людки Никиотиной. За два года совместной жизни все они повзрослели, многое узнали о каждой, с кем-то прочно сдружились, с кем-то остались в деловом общении, с кем-то характерами так и не притерлись.

Но ежедневные режимные правила, уроки, подготовка к ним и различным школьным мероприятиям, девичьи секреты и тайны создали среди выпускниц такую атмосферу солидарности и единения, в которой все чувствовали себя достаточно комфортно.

Теперь в классе никто старшеклассников не рассаживал по усмотрению классного руководителя: они сами выбирали себе партнера, с кем-то договаривались или, в крайнем случае, мирились с соседством не очень приятной особы. Но правило “мальчик-девочка” соблюдалось, за редким исключением, неукоснительно.

Людку пригласил в соседки Джантуреев Адаш, и девчонка сразу же согласилась. Ей, конечно же, очень хотелось изо

дня в день видеть с собой рядом Рашида, но он опять оказался рядом с Кларой. У подружки был другой объект для воздыханий, поэтому Людка успокоилась. Да и после «Артека» у нее с неразговорчивым, но внимательным и мужественным Адашем установились хорошие дружеские отношения.

Никитина всерьез занялась учебой. Она и до этого училась хорошо, но не фанатела, не рвалась за оценками, не сидела часами над заданиями. Некоторые изменения случились после разговора с Каримом Бекмурадовичем, завучем школы.

– Людмила, – однажды на перемене остановил ее завуч, – зайди ко мне в кабинет, нужно поговорить.

Как и прежде, девчонка внутренне сжалась в комок от ожидания каких-либо неприятностей. Но делать нечего. Раз вызывают, надо идти.

– Люд, чего от тебя хотел Карим Бекмурадович? – озабоченно спросила подругу Клара, с которой до этого они повторяли стихотворение.

– Не знаю, сказал прийти в его кабинет.

– Как ты все-таки думаешь – зачем?

– Может, географичка пожаловалась? Я Мишке Утемисову на контрольной помогла. Он мне карандашом пол-урока в спину тыкал. А географичка, ты же слышала, несколько раз мне замечания делала.

– Да-а-а! Ну, может, и не из-за этого. Давай иди, не дрейфь. Думаю, все обойдется. – И Клара дружески обняла

подругу.

Кабинет заведующего учебной частью находился на том же этаже школьного здания, где и класс 8-Б. Войдя после стука в дверь и разрешения войти, Людка оказалась в небольшом помещении с обычной канцелярской мебелью. Карим Бекмурадович общался по телефону. Увидев ученицу, он указал ей на стул и продолжил разговор. “Галина Антоновна! – говорил он густым мужским голосом в микрофон аппарата. – Я вам отправил черновой вариант нагрузки учителей”.

Людка, от нечего делать, пробежав взглядом по портрету Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева над головой завуча, по развешенным на стенах плакатам и таблицам, отражающим учебно-воспитательную работу интерната, в ожидании беседы сосредоточилась на внешности хозяина помещения.

Карим Бекмурадович смотрел перед собой в какой-то документ, лежащий перед ним на столе, что-то в нем чертил и слушал. Ответ собеседницы по поводу его слов вызвал на лице мужчины озабоченность. «Да, хорошо, внесем изменения. До свидания!» – вздохнув, он положил трубку и некоторое время молча, серьезно, всей плотной фигурой в сером костюме на белоснежной рубашке с синим галстуком, будто это Людка каким-то боком имела отношение к важному разговору, смотрел на сидящую перед ним ученицу.

– Ну что, Людмила, поговорим? – наконец произнес он, и

лицо его просветлело. – Как отдохнула в «Артеке»?

– Хорошо, – открыла рот Людка.

– Ну и славно! Значит, теперь в полную силу за учебу.

– Но я и так стараюсь! – удивленно взглянула девочка на учителя.

– Знаю, знаю, что не ленишься. Но ведь вот какое дело. Ты уже в выпускном классе, а у тебя в первой четверти намечаются четверки. Учебный год пролетит быстро. И нам бы хотелось по окончании тобой учебы в школе-интернате вручить тебе не только свидетельство о восьмилетнем образовании, но, как всегда, и похвальную грамоту как отличнице. Что скажешь? Сможешь получить все пятерки по предметам в этом году?

Людка не знала, что ответить. А вдруг она не справится? Если обещаешь, то обязательно держи слово. Девчонка одарила взглядом пол, затем посмотрела на учителя.

– Извините, Карим Бекмурадович! Я не буду давать обещание. Я постараюсь.

– Молодец, Никитина! – засмеялся педагог. – Хороший ответ! Но ты уж постарайся. Можешь идти! – отпустил он девочку и, после того, как за ней закрылась дверь, еще некоторое время покачивал головой и улыбался. – С характером Никитина! Ишь ты! Не обещает, но постарается. Поглядим, поглядим в конце июня, на сколько ты постаралась, – добродушно подумал он и снова поднял трубку телефона.

Разговор с завучем пробудил в Людке смятение, медленно

переходящее в твердое желание доказать самой себе и всем учителям, что она может быть лучшей и все для этого сделает. Так зародилась в ней уверенность в собственных способностях и силе воли...

– Девочки, кому нужны голубые тени? – вопросительно глядя на подруг, протягивала коробочку с косметическим средством для глаз Аброськина Лида.

– Мне бы хороший карандаш, мой наводит ужасные стрелки, – хныкала Карпенко Аня.

– Господи, ну что за тушь! – возмущалась Родионова Тамара. – Склеила ресницы. Ужас!

– Девчонки, как вам мой наряд? – кружилась в голубом платье, подпоясанном красным поясом, Макаричева Наташа.

Девушки по очереди вертелись перед небольшим зеркалом, укрепленном на стене, наносили на лицо имеющиеся у них средства косметики, делали начесы, укладывали локоны. Вся суматоха была связана с подготовкой к вечеру отдыха. Каждая из обитательниц девичьей комнаты хотела выглядеть на нем роскошно, поэтому любая деталь внешнего вида, будь то макияж, костюм или обувь, имела чрезвычайное значение и подвергалась придирчивому осмотру и оценке хозяйки и подруг.

Никитина Людмила тоже волнуется страшно. Ей сегодня нужно выглядеть как можно лучше: на вечере будет Рашид.

С недавних пор он частенько стал оказываться рядом с Семеновой Наташкой. Людка девушку хорошо знает: ее родители тоже работают на буровой «Шахпахты».

С Наташкой и ее братом Ваней дети Никитиных водились на буровой все каникулярное лето. Даже фотографировались вместе: на фото Наташка и Людка на заднем плане, в пионерских галстуках, Ванька, Светка, Витька и Валька – перед ними. Это было в прошлом году. Семенова учится здесь же, в интернате, в параллельном классе. Она, в отличие от Никитиной, уже комсомолка. Дочь Екатерины и Николая на год младше своих одноклассников, не дотягивает по возрасту до комсомола.

Когда Людка впервые открыла для себя, что Рашид симпатизирует Семеновой, она вмиг забыла, что они с Наташкой друзья, что их связывают приятельские отношения родителей, нехитрые устюртские забавы и открытия.

– Представляешь, – поделилась она своим негодованием и обидой с Кларой. – Рашиду нравится эта длинномордая Наташка, из 8-А. Я видела, как они мило общались на перемене.

– Что ты выдумываешь? – пыталась успокоить приятельницу Клара. – Может, они какие-то комсомольские дела решали.

– Комсомольские дела? Да ты бы видела, как эта бледнолицая дура пялилась на него и как он ел ее глазами.

– Скорее всего, тебе это показалось, из-за ревности. Не

стоит так нервничать.

– Да, не стоит, а у меня слезы закипают.

Но волноваться Людке действительно было из-за чего.

Правильные черты бледного утонченного лица, обрамленного ореолом русых кудряшек отрастающих волос, мягкая улыбка выразительно очерченных губ, две толстые косы, почти всегда уложенные в корзинку и закрепленные по бокам затылка небольшими бантиками, в сочетании с высокой, стройной девичьей фигурой были очень привлекательны.

И еще. Наташа Семенова относилась к той категории девушек, что несли в себе особый внутренний свет, на который юноши, тонкие и впечатлительные, как Рахимов Рашид, слетались, словно ночные бабочки на огонь, и относились они к источнику этого света по-особенному: как-то бережно, деликатно.

В то время, когда в отсутствие учителей раззадоренные парни, как угорелые, носились по классу за ускользящими хохочущими девушками, тискали их в углах помещения, слыша в ответ на толчки и прижимания к девичьим плотным выпуклостям как бы сердитое «пошел ты на х...й», Наташу они не задевали. Она, сидя на своем месте за партой, только изредка улыбчиво поглядывала на бесшабашных одноклассников, не осуждая и не одобряя их возню, листала учебник.

В отличие от своей соперницы, старшеклассница Никитина Людмила в таких играх принимала самое деятельное участие: дразнила парней, сочно материлась, ощущая от вы-

летевшего запретного, взрослого слова какое-то странное, непонятное ей самой удовольствие. И в то же время, когда какой-нибудь «охальник» показывал ей «похабные» рисунки, она, сопровождая действие словом «дурак!», отбрасывала их от себя как что-то липкое и гадкое.

Старшеклассницы разнились и внешностью. В отличие от утонченной Натальи, к выпускному классу Людмила оформилась в упитанную девушку с безудержно рвущейся из-под ткани платьев и кофточек грудью, объектом вожелений парней как застенчивых и сдержанных, так нескромных и горячих. Объемные формы груди и бедер при тонкой талии наводили разбирающихся в женских достоинствах людей на мысль, что у девушки хорошая фигура, но сама обладательница от нее в восторге не была.

Полнота не мешала старшекласснице заниматься многими видами спорта: ей нравилось бегать на разные дистанции, толкать ядро, метать диск, играть в волейбол. От этих занятий тело становилось крепче и сильнее, но на душевное равновесие девушки это не сказывалось никак.

Да и как можно было себе нравиться, если к тому же Людке не давали покоя обыкновенные подростковые прыщи. Борьба с вульгарными высыпаниями стала одним из смыслов ее существования. Все попытки удалить с лица предательские бугорки приводили только к временному результату. К тому же миленький курносый нос казался ей огромной выпячивающейся шишкой. «Какая я уродина!» – в отчаянии

думала она.

Жизненная сила и познавательный интерес старшей дочери Никитиных не ограничивались физическими упражнениями. Людмила обожала все, что волновало впечатлительную душу: самозабвенно пела «Главное, ребята, сердцем не стареть», надоедала подругам стихами Е. Евтушенко и А. Вознесенского, пластично двигалась под самые разные мелодии. Жизнерадостную круглую мордашку восьмиклассницы можно было увидеть там, где находила удовольствие ее любознательность и неутомимость. Это была живая, общительная, интересная натура с хорошими задатками, считающая себя гадким утенком.

Никакие уверения подруг в том, что она очень симпатичная, не меняли ее отношения к себе. Людка окончательно решила, что она некрасивая. Мысль о том, что ее нельзя считать привлекательной, и в то же время желание нравиться, этот симбиоз противоположностей разума и души наводил на грустные размышления и, вообще, портил ей жизнь.

А сейчас девушка в надежде завоевать внимание Рашида порылась в обшарпанном чемодане, перебирая юбки, кофточки и платья, и, не находя ничего подходящего к предстоящему вечеру, с унылым видом разочарованного в своем гардеробе существа уселась на кровать, глядя на действия подруг, но думая о своем.

– Клара! – наконец обратилась она к подруге, завязывавшей перед зеркалом бантики на пушистых хвостиках. – По-

советуй, что мне надеть?

– Сейчас, только бант довяжу, – готовая в любой момент прийти на помощь, ответила Клара и, распрямляя на ходу ленту в пышный бант, подошла к печальной сверстнице.

Склонившись над вещами подружки, выудила из вороха одежды кофточку и протянула ее хозяйке:

– Вот эта подойдет.

– А юбку?

– А юбку?.. – задумалась Клара, а потом решительно продолжила: – Я тебе дам свою.

Интернатские девчонки частенько менялись одеждой между собой. Людка этого делать не любила: ей претила одежда с чужого плеча. Да и мама наказывала никогда ничего чужого не надевать. Хотя и не было недостатка в семье Никитиных, но гордости и самолюбия хватало, существовали и свои правила жизни, которые домочадцы старались не нарушать. Поэтому дочь Никитиных сначала отказалась воспользоваться предложением одноклассницы.

– Ну что ты, Клара! Я не могу. Она такая красивая, тебе самой надо.

– Я ее давно не надевала, и сегодня она мне не нужна: я надену платье.

И Людка сдалась: Кларина юбочка ей очень нравилась. Приодевшись в выбранный наряд, пышно начесав коротко стриженные темно-русые волосы, нанеся на веки коричневые тени, на ресницы – тушь и, подкрасив слегка красным

карандашом губы, Людка застыла перед подругой, ожидая ее приговора.

– Ты такая модная и красивая! Как какая-то артистка! – искренне восхитилась Клара.

– Скажешь тоже! – возразила девушка. – А не слишком ли намазалась? Увидела бы меня мама.

– Что ты! Это же на вечер. Я думаю, твоя мама не была бы против. Она у вас красится?

– Красится немного. Отец страшно не любит, когда она губы помадой подводит, а она все равно красит. И мне это нравится.

– Вот видишь, значит, мама не будет против, чтобы ты на праздник делала макияж. Пошли, а то все девчонки уже в актовом зале.

Неуверенная в своей привлекательности, Людка вслед за подругой вышла из комнаты. Азиатский осенний вечер овеял принаряженных старшеклассниц легким теплом. На улицу проникали звуки музыки. И девушка сразу повеселела.

Вечер только начинался. Принаряженные, взволнованные предстоящим весельем, мальчишки и девчонки, сбившись в стайки, образовали перед сценой полукруг. У них под ногами вертелась малышня. Вздурораженные громкой музыкой, пацанята бесцеремонно вклинивались в толпу, шныряли в ней, толкались, выбегали на открытое пространство, затем снова бросались в круг девушек или парней, получая от тех и

других толчки и подзатыльники, но не успокаивались, продолжали озорничать.

Звуки вальса расшевелили кучкующуюся молодежь, и самые смелые девчонки стали парами выходить на круг и двигаться так, как умели. Остальные с любопытством, с похмыкиванием и усмешками поглядывали на первых танцующих, о чем-то переговаривались, смеялись.

Трудно было назвать вальсом то, что выдавали ноги большинства смельчаков. Шаг вправо, шаг влево – вот, собственно, и все. Иногда шаг сбивался, пара старательно налаживала синхронность в движениях и продолжала танец. Те же, кто умел действительно вальсировать, кружились самозабвенно и легко. Но мастерство в танце для детей не было главным. Слияние с мелодией, веселое настроение побороли все: и робость, и скованность, и неуклюжесть.

Вальс закончился, и танцующие поспешно присоединились к своей стайке.

– Девочки, и долго мы будем стоять? – вся в нетерпении обратилась к подругам Людка. – Так и вечер скоро закончится, а мы и не натанцуемся.

– Да ладно, сейчас пойдем, – протянула Родионова Тамара. – Вот только джаз поставят.

– Ну да, Томка, ты у нас руками и ногами махать лучше всех умеешь, – посмеялась Аброськина Лида.

– А чего там танцевать? Двигай всем, чем можешь, – скривила в ухмылке губы Тамара.

Пауза в музыке затянулась, и Людка поискала глазами Рашида. Он стоял в толпе ребят, о чем-то оживленно разговаривая, иногда бросал взгляд в сторону девчонок. Людка проследила за его взглядом. В шумящей красочной толпе девчонок из параллельного восьмого она увидела Наташку. Юноша смотрел на нее. И Людка потемнела. Она отвернулась к подругам, пытаясь скрыть зависть и ревность.

В это время ее кто-то окликнул. Девушка в недоумении обернулась и увидела перед собой Гордополова Петьку.

– Никитина, ты нравишься стилияге, – услышала она.

– Кому?

– А вон тому чуваку с коки на голове, – махнул головой Петька в сторону мальчишек.

Девушка перевела взгляд с одноклассника на группу интернатских парней и среди них увидела незнакомца. Он открыто поедал ее глазами. Это был худощавый парень среднего роста, разительно отличающийся от всех тех, кто стоял рядом. Зауженные зеленого цвета в красную клетку брюки обтягивали его худые ноги. Мешковатый коричневый пиджак прикрывал белую рубашку, на которой пестрел яркий узенький галстук. На голове модника торчал петушиным гребнем аккуратно зализанный кверху черный чуб. Парень был смешной и чужой.

«Господи! – подумала Людка. – Это что еще за чучело?»

– Ну и что? – обратилась она к Петьке.

– Он хочет с тобой танцевать.

– Еще чего! – отрезала она и отвернулась к подругам: модный парень был ей не интересен, не нужен.

Зазвучал джаз, и публика оживилась. Живая ритмичная мелодия прогнала скованность и стеснение, зажгла в юных душах бесстрашие и веселье. Пустое пространство наполнилось молодыми беснующимися телами. Они сталкивались друг с другом, задевали локтями, но эти столкновения вызывали только всепрощающий хохот и неиссякаемое буйство чувств.

Людка не отставала от подруг. Зеленая кофточка, пышная желтая юбка, перетянутая в талии широким черным поясом – весь ее яркий наряд, ее загоревшееся удовольствием лицо, свободные движения юного тела преобразили девушку. Танец сделал ее поистине восхитительной, и незнакомый стилиста не сводил с нее глаз. Но Людка о нем уже забыла. И даже Рашид в ее сознании отдалился, ушел за горизонт ее мучений и желаний. Главной в этот момент была всепоглощающая и раскрепощающая душу и тело энергия джаза.

Глава 16

Выпускница

Весна. Легкий майский загар уже покрыл лица и открытые части тела взрослых и детей, воздух наполнился шумом свежей глянцевой листвы, тонким ароматом цветов на пестрых клумбах, на цветущих кустарниках и деревьях.

Весеннее разнообразие красок и запахов не тревожило, не волновало старшеклассников школы-интерната №6 им. Хамзы города Ходжейли: сбегал учебный год и восьмиклассники готовились к выпускным экзаменам. Как все ее товарищи, Никитина во время подготовки к урокам повторяла пройденные темы. По всем предметам у нее был высший балл. Осталось сдать экзамены. Эти последние испытания она должна пройти на «отлично». Ведь сказала Кариму Бекмуратовичу, что постарается вытянуть на «пять» все предметы.

– Людка, ты как, к экзаменам готова? – легонько шлепнула ее по спине тетрадкой сидящая за соседней партой Пьянкова Светка, когда Тамара Ахмедовна, организовавшая дополнительное занятие по математике, вышла из класса.

– Не знаю, боязно как-то, – повернувшись вполборота к подруге, вздохнула та.

– Да ладно притворяться, что боишься. Если ты переживаешь, что мне-то делать? – влез в разговор девушек Петька, в то же время вертя головой в ожидании реакции других ребят.

– А тебе, Гордополов, на экзаменах бекать-мекать! – сердито отреагировала Никитина на колкость своего недруга и, вернувшись в прежнее положение, нахмурила брови.

Кое-кто захихикал.

– Подумаешь, бекать-мекать! На троечку я сдам. На большее мне и не надо. Пойду в профтехучилище. У меня отец

был токарем, и я буду, – ответил пренебрежительно на прозвучавшую реплику парень.

– А я пойду учиться на портниху, – послышался тихий голос Макаричевой Наташи. – Мне нравится работать на электрической швейной машине. Светлана Петровна молодец, многому нас научила в мастерской.

Первые фразы выпускников нарушили деловую тишину класса. Аудитория оживилась, загалдела. Людка искоса посмотрела на Рашида. Он тоже оторвался от книжки, выражение лица из сосредоточенного перешло в расслабленное и улыбочивое. Вот он что-то сказал Кларе, затем повернулся к Цыганкову Володьке, сидящему против него на соседнем ряду. Володька, наклонившись длинным, как у жирафа, телом к парте Рашида, толкнул его учебник. В ответ Рашид шлепнул его тетрадкой по голове.

«Какой дурак этот Володька! – мелькнуло в голове Никиотиной. – Боже, а меня девчонки еще хотели заставить с ним целоваться».

История с поцелуем произошла в седьмом классе. Тогда Карпенко Аня пригласила одноклассников к себе домой. Пошли не все, компания составила немногочисленная, но веселая. Всю дорогу до Аниного дома перебрасывались шутками, запихивали друг другу за воротники сорванные листья деревьев, низкие ветки которых пробегали по ребячьим головам, добродушно толкались.

Аня жила с матерью в разборном многоквартирном доме

на первом этаже. Старшая Карпенко была на работе. «У меня мама повар, – перед походом сообщила друзьям Аня. – Дома ее не будет. Повеселимся!» Перспектива отдохнуть без надзора взрослых порадовала всех, поэтому, когда Аня открыла ключом дверь квартиры, толпа без стеснения ввалилась в чужое жилье. Людка сразу заметила скромность обстановки и чистоту двух небольших комнат: спальни и кухни. Самым интересным предметом интерьера оказался большой сундук, покрытый цветным ковриком. Заглядывать в него гости, конечно же, не стали, но посидеть захотел каждый. В борьбе за место на этом замечательном предмете мальчишки и девочки выталкивали друг друга попами, визжали, хохотали.

– Хватит вам плюхаться на сундук, – остановила разгулявшуюся компанию Аня. – Пора пить чай. Кто со мной на кухню?

Маленькая кухонька всех помощников не вместила, часть осталась сидеть и стоять в спальне за просмотром семейного альбома, предупредительно положенного хозяйкой на круглый стол. Людка на кухню не пошла и вместе с друзьями склонилась над фотографиями. Черно-белые карточки, снятые профессионалом или любителем, аккуратно вставленные в рамки альбома, представили зрителям страницы прошлого и настоящего скромной семьи Карпенко: мама Ани – очень милостивая худенькая девушка, сама Аня – смешная лупоглазая малышка на руках мамы, Анька садовского возраста на стульчике, какие-то взрослые, дети.

Поглазев на альбом, Никитина отошла от стола и уселась на не занятый никем сундук. В это время из кухни вышли помощники хозяйки с чашками и тарелкой с печеньем. Хихикая, они поставили посуду на стол и уставились на Людку.

– Никитина, – хитро усмехаясь, обратилась к ней Тамарка. – А тебя хочет поцеловать Володька. – И подтолкнула парня к сундуку.

Вся компания замерла. Новость привела Людку в недоумение. В то время, как она, обалдевшая, широко раскрытыми глазами смотрела на смущенного до покраснения Володьку, все с коварным любопытством ждали ее реакции.

– Слышь, Никитина? Ты что, уснула? Тебя хочет поцеловать Цыганков, – дернула ее за руку Анька.

Краска залила лицо Людки. Целоваться с парнем ей совсем не хотелось.

– Отстаньте, не буду я ни с кем целоваться. Если хотите, целуйтесь сами! – раздраженно бросила она, встала с сундука и, растолкав толпу, отошла к стене.

Так и не поняла Людка, что это тогда взбрело в головы бесшабашных друзей заставить ее целоваться с Володькой. Ведь после этого он никогда не предлагал ей дружбу, не смотрел на нее так, как Ростик: влюбленно и преданно. И ей он был безразличен. Просто одноклассник! В отличие от Рашида. Вот с Рашидом бы...

«Интересно, а что будет делать Рашид после выпуска? – подумала Людка. – Такой скрытный! Никогда у него ничего

не добьешься. Скорее всего, пойдет в девятый. Он не отличник, но по многим предметам у него пятерки. А в физике он вообще ас. Мне физика дается с трудом. Приходится прямо-таки зубрить ее. А Рашид задачи на раз решает. Занимается в техническом кружке».

Она вздохнула и отвернулась к окну. Там в голубом небе подгоняемые ветром плыли облака. Они были разной формы и ослепительно белые. Вот от рамы к раме медленно проскользил кудрявый барашек. Следом за ним – свернувшийся в клубок котик. Вдогонку за котиком пустился медведь, ну, не весь медведь, а его голова. Понаблюдав за меняющимися картинками в далеком небе, Людка снова вернулась к реальности и прислушалась к болтовне одноклассников.

– Интересно, а кто-нибудь из нас пойдет работать? – услышала она твердый голос Хирного Виталия.

– И куда именно? – поинтересовался Степанов Володька.

– Пожалуйста, в Тахиаташе есть ГРЭС, “великая стройка века”! Рабочие там нужны. Конечно, сразу только учеником возьмут, а учиться дальше можно в вечерней школе, – ответил Хирный.

– Можно пойти на ученика слесаря, газосварщика, строителя, – подключился к разговору Хан Леня.

– На газосварщика не возьмут, – с видом знатока возразил Хирный. – По возрасту не возьмут.

– А Родионова, конечно же, в девятый пойдет, потом – на исторический, а в будущем дорастет до секретаря горкома

или райкома комсомола. Карьерный рост, так сказать, нашего комсомольского вожака, – не унимался Петька.

– А что, может быть, – отреагировала Тамарка. – Хорошая перспектива!

– А кто у нас отвечает за работу с отстающими? – обратился с вопросом к классу Крапивин Олег и здесь же сам ответил: – Это Никитина. Так что быть ей учителем.

Девушка с удивлением взглянула на парня. Мысль стать учителем ей в голову никогда не приходила.

– Может, и буду, кто знает, – улыбнулась она. – Раньше хотела лечить людей, а сейчас не знаю. Вообще, сейчас о будущей профессии не думаю. Пойду в девятый. А дальше видно будет.

– И я не знаю, – печально признался Ким Боря.

– Кто не знает, так это точно я, – уверил одноклассников Утемисов Мишка.

– Что родители скажут, – вздохнул Аким Сулейменов.

– Да хватит вам о будущем! Тут хоть бы экзамены сдать, – попытался переключить на другую тему разболтавшихся не в меру сверстников Цой Костя и, как настоящий агитатор-пропагандист, назидательно продолжил: – Главное сейчас – это что? Знания! Так что продолжим поднимать свой образовательный уровень.

– Верно, Костя! – улыбнулась вошедшая в класс Тамара Ахмедовна.

Она слышала последние слова парня, поэтому, подойдя к

учительскому столу, уже серьезно продолжила:

– Стремление к знаниям, ребята, трудолюбие помогут вам добиться цели в жизни. Верьте в силу науки. Любите книгу. Интересуйтесь новинками культуры и техники.

И снова улыбнувшись, сказала:

– А сейчас, как рекомендовал Костя, продолжайте «поднимать свой образовательный уровень». Степанов, принеси мне свою тетрадь.

Глава 17

Необъяснимый проступок

Конец июля для семьи Никитиных наполнился серьезными хлопотами: Людка завершила учебу в интернате. Перед родителями встал вопрос о смене места жительства, чтобы старшая дочь могла продолжить обучение. Еще зимой Николай списался с Сабиром Рахматуллиным. Товарищ отца по «Шахпахты» уволился с буровой, устроился на работу в поселке Караулбазар. Бывший сотрудник писал, что устроиться на работу можно в нефтеразведку, есть в поселке детсад и школа. И заработок неплохой.

Оставив детей на попечение Людки в снятом в Кунграде жилье, Екатерина и Николай отправились на разведку, чтобы воочию убедиться в подходящих для них условиях переезда и на месте обмозговать, стоит ли обживатьсья в неизвестном поселке.

Родители уехали. Их не будет дня четыре. Сегодня идет третий день. С утра нечем дышать: по-июльски жарко, душно. Всей компанией детвора сходила в магазин, купила продукты. Теперь малышня бегает на улице, Валька наблюдает за ними (местность чужая!). Людка варит суп.

«Как там мама с папой? – думает она, опуская очередную очищенную от кожуры белую картофелину в миску с водой. – Какой он, это Караулбазар? Интересно, почему так назвали этот поселок? Кто-то кричал: «Караул, базар!»? А чего кричать? Разве может на кого-то напасть рынок? Смешно! Может, от слов «караулить базар»? Это более правдоподобно. Да-а-а! Все-таки интересное название!»

Следующий оголенный ножом клубень присоединяется к товарищам в глубокой посудине. Заодно Людка опускает в воду руку. Прохладная влага касается горячей кожи. Приятно! Сейчас бы искупаться в каком-нибудь арыке или речке. Но здесь, в Кунграде, негде: окраина пустыни Устюрт!

Скромный обед готов, дети накормлены. Полегли на кровати, тормозят друг друга, отдыхают. Людка садится за свободный от тарелок стол, открывает альбом, подаренный ей в школе-интернате ко дню рождения. Сразу под переплетом красного цвета, украшенного открыткой с цветущей розой, обнаруживается большая фотография. Это выпускная виньетка ее класса.

Людка берет фото в руки, рассматривает. Вверху – изображение Ленина в профиль. Дальше надпись: «Выпуск...».

Внизу – герб СССР. Слева от него – ученик, руки по швам; справа – пионерка, ее правая рука поднята в пионерском салюте. В самом низу виньетки крупными буквами лозунг: «Наша цель – коммунизм!».

А на всем серединном пространстве они, выпускники школы-интерната 63-64 учебного года. И она среди одноклассников. Лица у всех серьезные, глаза смотрят прямо на Людку. Она и сама смотрит на себя. Смешно! На нее смотрит и Рашид. Он в том же ряду, через два человека от нее. Почти рядом. Фотографии с надписями, в овальных рамках. А у преподавателей рамочки прямоугольные, с закругленными углами. Учителей вместе с директором девять. Их фото в самом верху.

Александр Владимирович – их воспитатель – среди своих воспитанников. Справа от него – Родионова Тамарка, слева – Людка. Они отличницы, и у них снизу, по бокам рамок, листья лавра. Надо же! Лавровым венком когда-то давно награждали победителей.

«У нас с Тамаркой, – думает Людка, – на фото только макушки лавровых ветвей, но все равно приятно. Выходит, что мы тоже в какой-то степени победители? А что! Действительно, победители. Сдать выпускные экзамены на «пять» не так-то просто».

Она вздыхает. Подходит заскучавшая Валька, садится рядом, заглядывает в виньетку.

– Это твой класс? – спрашивает она у сестры, хотя пре-

красно знает, что это за фото. – Сколько вас?

– Двадцать восемь, – не глядя на Вальку, отвечает Людка.

– Ты здесь симпатичная и в кофточке, что сама сшила прошлым летом.

– Ага! Когда ночами не спала на буровой.

– Ну, теперь мы переедем. Люд, как думаешь, на новом месте нам будет хорошо?

– По крайней мере, мы будем учиться в обычной школе и жить все вместе: ты, я, Витька, Светка и мама с папой. Не нужно будет расставаться.

Девчонки помолчали. Людка отложила в сторону общую фотографию, взяла в руки похвальный лист.

– Людка, дай мне почитать, что тут написано, – попросила Валька.

– Тут на двух языках: русском и каракалпакском, – предупредила сестра.

– Не бойся, я тоже учила каракалпакский. У меня по нему четверка.

Валька начала читать, за что получила заслуженную награду Никитина Людмила. Та сначала вслушивалась в бормотание любопытной сестры, потом ее мысль уплыла вдаль. Она подумала о том, что выполнила обещание, данное себе: стала отличницей. Приятно было получить эту грамоту от директора школы, чувствовать одобрительные, улыбочивые взгляды учителей, прикованные к ней озорные глаза ребят. Рашид тоже смотрел на нее. И сердечко ее тогда волно-

валось и пело. Пело песнь удовольствия и гордости. А сейчас ей немного грустно. Даже на выпускном вечере парень не пригласил ее на танец: он танцевал с Наташкой. Нет, никто ее не любит, потому что она уродина.

Когда Валька закончила чтение, Похвальная грамота и фото снова оказались в подарочном альбоме, бережно закрытом рукой выпускницы. Людка погладила переплет. Вот и все! Теперь вся ее жизнь в школе-интернате осталась в прошлом. Что будет впереди, неизвестно.

Уложив после ужина малышей спать, Людка вышла на улицу. К вечеру стало немного прохладнее: подул слабый ветерок. Он был еще горячий, как от печи, но его прикосновение к лицу было приятно. Солнце стремилось к горизонту, но по-летнему медленно, будто сил у него не было от дневных забот. Затихали звуки дневной суеты азиатского провинциального города.

Делать было нечего, да и не хотелось. Людка вернулась домой, приделась, взяла сумочку и пошла к кинотеатру: может, увидит знакомых. Не встретив никого из приятелей, неожиданно для себя самой взяла билет на вечерний сеанс и в потоке зрителей вошла в кинозал. В прокате шел фильм «Весна на заречной улице». Его Людка не видела.

Свет в зале погас, засветился экран, зазвучала музыка известной песни, и на черно-белом фоне показались титры. Весна, дождь, железнодорожная станция, пассажирка с че-

моданами и баулами. «Вот и мы скоро отправимся по железке со своими вещами», – подумалось Людке. А дальше как всегда: навстречу экранным событиям и переживаниям распахнулись дверцы ее восприимчивой души, волнение охватило весь организм, и полупустой зал, темные силуэты зрителей куда-то исчезли. Она в мерцающем пространстве осталась наедине с жизнерадостными металлургами, с их трудностями и заботами, разочарованиями, обидами, любовью и страданиями.

И вот уже когда Федя убеждал Сашу, что учительница приходила в мартеновский цех к нему, своему нерадивому ученику Савченко, кто-то тронул Людмилу за плечо.

– Люда, ты? – услышала она за спиной шепот.

Она обернулась и увидела освещенное экраном лицо знакомого паренька.

– Да, это я! – прошептала она в ответ.

– Можно к тебе?

– Садись, Дима.

Парень пересел на свободное возле Людки место и до конца фильма больше не отвлекал разговорами от происходящего на экране, лишь изредка незаметно посматривал на девушку, с которой не виделся давно. Они были знакомы поверхностно, когда Людка приезжала на каникулы и задерживалась у Марии в ожидании транспорта на буровую.

«Конец!» – объявил экран, и зажегся свет. Зрители потянулись к выходу. Дима шел впереди, за ним пробиралась в

толпе Людка. Она видела обросший кудрявыми волосами затылок парня, крепкую спину в белой сатиновой рубашке с закатанными по локоть рукавами, загорелую кожу на руках человека, знакомого со спортом и физическим трудом.

На выходе из клуба они остановились. На городок опустилась ночь, улицы освещали редкие фонари.

– Тебя куда проводить? – поинтересовался Дима, вглядываясь в темноту.

– Идти далековато, – предупредила она.

– Что ж, прогуляюсь. Пошли?

Людка застеснялась: ведь ее еще никто из парней никогда и никуда не провожал. Она ничего не ответила, только улыбнулась, наклонила голову и сбежала с крыльца.

Они шли по слегка освещенным улицам. Под ногами шуршал песок и гравий. Молчали. Первым заговорил Дима:

– Ты как в Кунграде оказалась?

– Все, учеба в интернате закончилась. Имею документ о восьмилетнем образовании.

– И что теперь?

– Пойду в девятый. Мы переезжаем.

– И куда?

– Может, в Караулбазар. Есть такой поселок нефтеразведчиков в Бухарской области. Родители отправились узнавать, что и как. А мы – Валька, Витька, Светка и я – ждем их здесь.

– Понятно, – сказал парень.

Разговор прервался. Но долго молчать Никитина не могла

и поэтому заговорила о фильме:

– И как тебе кино?

– А что, хорошее. Я вот сам водитель, рабочий человек. Мне ребята понравились. Конечно, не все. Одни работают и учатся, другие получили специальность и все, школу заканчивать не хотят, ничем не интересуются, кроме гуляния по улицам, песен под гитару и пива.

– И что, разве это плохо? – задала провокационный вопрос Людка, хотя праздные гуляки ей тоже не понравились.

– Они не бездельники, но какие-то недалекие. Конечно, Рахманинова не все любят, но учиться надо, книги читать, узнавать многое.

– Дима, а как ты думаешь, Саша с учительницей помирятся?

– Думаю, да. Они любят друг друга, только учительнице нужно немного спеси поубавить, а Сашке не обижаться. За год их знакомства он много книг прочитал, даже сам правила по русскому учил. Вообще, он правильный парень.

За разговором время прошло быстро. Подошли к дому, где Никитины сняли квартиру. Людка попрощалась с провожатым у раскидистого куста, вышла из тени, направилась к двери и тут же обомлела: в окне кухоньки горел свет. Она глазам своим не поверила: когда уходила, света не было – она его выключила. Что же это значит?

Рывком открыв дверь, Людка вошла в помещение. За столом сидели родители. Они приехали раньше, чем рассчиты-

вала их дочь.

Сердце у Людки ушло в пятки. Мысль «Будут неприятности!» молнией пронеслась в голове.

– Людка, что же это получается? – встретила ее недовольным видом и вопросом Екатерина. – Ты оставила детей и ушла? Что это значит? Где ты была?

Когда Людка уходила, дети, накормленные, уложенные в постель, уже заснули. Спать ей не хотелось, и она вышла прогуляться. И так случилось, что ей захотелось пойти в кино, в котором она давно не была. Что могло случиться с братом и сестрами в ее отсутствие? Она о них просто забыла.

– Я была в кино, – еле выговорила провинившаяся.

– Ты оставила детей одних, – грозно провозгласил отец. – Мы тебе их доверили, а ты что, гулять пошла?

Людка молчала. Что она могла сказать? Ничего!

– Иди спать, – вздохнула мать. – Что теперь говорить?

Отец тоже больше ничего не сказал. То ли родители устали, то ли они поняли, что их старшая дочь выросла, что ей хочется отдохнуть от учебы, от забот о младших, что ей нужны новые впечатления, но все завершилось недолгой нотацией.

Лежа на кровати с Витькой, Людка постепенно отходила от страха экзекуции и думала о том, что она, действительно, виновата. Никогда раньше ничего подобного с ней не случилось. Что же произошло? Почему она так поступила? Ответить на эти вопросы четырнадцатилетняя девочка не могла.